

Подлинные и мнимые имена Бориса Годунова*

The True and Fake Names of Boris Godunov

Анна Феликсовна Литвина

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия

Anna F. Litvina

National Research University
Higher School of Economics
Moscow, Russia

**Федор Борисович
Успенский**

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
Москва, Россия

Fjodor B. Uspenskij

National Research University
Higher School of Economics
Vinogradov Institute of Russian
Language of the Russian Academy
of Sciences
Moscow, Russia

Резюме

В первой части работы предложен общий обзор моделей одноименности и многоименности в средневековой Руси, причем авторы стремились сосредоточиться в первую очередь на антропонимических практиках XVI — начала XVII столетия. Далее была предпринята попытка показать, каковы были

---

* В данной научной работе использованы результаты проекта «Культурные модели европейского Средневековья», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 г.

Цитирование: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Подлинные и мнимые имена Бориса Годунова // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 1. С. 185–231.

Citation: Litvina A. F., Uspenskij F. B. (2020) The True and Fake Names of Boris Godunov. *Slověne*, Vol. 9, № 1, p. 185–231.

DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.1.7

системные возможности для наречения царя Бориса Годунова и как они были реализованы на деле. В частности, были рассмотрены все имена, которыми царь обладал бесспорно, и те, что ему приписывались (*Борис, Боголеп, Иаков, Богдан, Феодот*). Особое внимание уделено истории культа личных патрональных святых членов царской семьи, прежде всего св. Феодоту.

Ключевые слова

Борис Годунов и его семья, историческая ономастика, средневековая Русь, многоименность, месяцесловная традиция, имянаречение в допетровской Руси, культ святых, светская христианская двуименность, личные небесные покровители

Abstract

This paper takes a new look at the “anthroponymical dossier” of Boris Godunov and his family. Insufficient familiarity with the structure of the Medieval Russian polyonymy (that is, the practice of using many names for the same person) has been known to lead not only to the introduction of redundant and never-existing people to research papers, but also to real people taking redundant, imaginary names, which they did not and often could not have taken in reality. This paper takes a look at both the names the tsar had, without a doubt, and the names under which he existed in previous research (*Boris, Bogolep, Iakov, Bogdan, Theodot*). Special attention is given to the personal patron saints’ cult in Godunov’s family, mostly to St. Theodotus. Some problems of attribution and dating of several artifacts are raised.

Keywords

Boris Godunov and his family, onomastics, name-giving in pre-Petrine Rus’, Medieval Russian polyonymy, dual naming of lay Christians, saints’ cult, Church calendar, holy patrons

Вводные замечания

Феномен светской христианской двуименности — наличие у одного и того же человека в миру одновременно двух имен из церковного календаря — до недавнего времени крайне редко становился предметом самостоятельного интереса исследователей. Разумеется, отдельные казусы фиксировались специалистами самых разных областей, историками, филологами и искусствоведами, однако эта фиксация порой сопровождалась всевозможными ошибками и неточностями в определении статуса различных именованний человека: имя, полученное при крещении, но почти не употреблявшееся в официальных документах, принимали за монашеское; имя публичное, фигурирующее во множестве источников, безоговорочно признавали именем крестильным и т. д. и т. п. Подобная путаница, в свою очередь, естественным образом

вела к дальнейшим ошибкам генеалогического и просопографического свойства. Один обладатель двух христианских имен превращался под пером исследователя в двух самостоятельных персонажей — родных братьев или отца и сына, другому приписывались неосуществленные на деле поступки вроде иноческого пострига или перехода в великую схиму, одна и та же женщина преобразовывалась в двух жен одного и того же лица, и, соответственно, для этих несуществующих персонажей реконструировались обстоятельства браков и кончин.

Перечисленные недоразумения легко возникают, когда исследователь не обращает внимания на тот факт, что у мирянина может быть не одно христианское имя. Однако не к лучшим последствиям ведет и «синдром избытка» — убежденность в том, что некое дополнительное сокровенное именование, почерпнутое из церковного календаря, непременно было у каждого, или в том, что у кого-то в мирской жизни могло быть неограниченное количество христианских имен.

Различные заблуждения такого рода, порожденные малой заинтересованностью и/или недостаточной осведомленностью в самом явлении светской христианской двуименности, распространялись в научной литературе не только на фигуры второстепенные, но и на тех, кто, казалось бы, всегда находился в центре исследовательского внимания. Исключением здесь не стали даже русские цари — своеобразным чемпионом в области антропонимических ошибок суждено было сделаться Борису Годунову. Теперь, когда мы, с одной стороны, располагаем более или менее системными представлениями об устройстве христианской полиномии в XVI в. [Литвина, Успенский 2020: 9–44], а с другой — способны оценить всю важность этого явления для культурной истории целой эпохи, у нас, кажется, появляется шанс разобраться в его антропонимическом досье.

Каков же мог быть набор имен у человека, родившегося на Руси в XVI веке и скончавшегося в XVII столетии? Так или иначе, все разнообразие в области имянаречения в ту эпоху сводится, в сущности, к нескольким условным моделям, составляющим целостную систему.

Обязательным для всякого христианина был один антропоним — то имя из православного месяцеслова, которое он получал в крещении. Для многих людей оно и оставалось единственным на протяжении всей жизни, от рождения до смерти: им он пользовался во всех мыслимых ситуациях, домашних и публичных, церковных и светских. Так, из современников царя Бориса одноименными были, например, скончавшийся в 1607 г. князь и боярин Борис Петрович Татев и двое его сыновей — Федор и Петр, а также зять этих Татевых, знаменитый «спаситель отечества» Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, умерший в 1625 г.

Рядом с ними жили и действовали их двуименные родственники и современники¹, причем двуименность эта, в свою очередь, бывала реализована двумя разными способами.

С одной стороны, помимо строго обязательного крестильного имени у человека любого статуса и состояния — от царя до холопа, от крестьянской девочки до знатной вдовы — могло быть еще одно христианское имя, которое подходило ему по семейным, родовым или социальным соображениям. Такое имя становилось публичным, употреблялось в большинстве сфер социальной деятельности своего обладателя, а имя, данное при крещении, появлялось лишь в определенных ситуациях, связанных с религиозной жизнью².

При этом публичное имя (как и имя крестильное) черпалось из православного месяцеслова, а его присутствие обеспечивало человеку покровительство еще одного святого тезки, культ которого, как и почитание небесного тезки по имени, полученному при крещении, мог запечатлеваться в церковных вкладышах, заказе самых разнообразных предметов благочестия, в церковном строительстве, а иногда и в определенных датах поминовения. Два этих молитвенных предстателя могли как выступать вместе (на одной иконе, в пределах одного храмового комплекса), так и по одному свидетельствовать о радении своего земного тезки³.

---

¹ Так, еще один сын только что упомянутого Бориса Петровича Татеева обладал двумя мирскими христианскими именами — *Сергей* и *Иван*, двуименными в миру были отец и родной брат Дмитрия Тимофеевича Трубецкого: один из них был *Тимофеем* / *Фотием*, а другой — *Александром* / *Меркурием*.

² Так, тетка царя Бориса, жена его дяди Дмитрия Ивановича, была обладательницей крестильного имени *Матрона* и публичного *Стефанида*, и оба эти имени упоминаются в связи с различными церковными пожертвованиями, сделанными ею и ее мужем [Литвина, Успенский 2018]. Родственники царя, сыновья Василия Годунова, в публичной жизни звались *Григорием* и *Степаном* (*Стефаном*), тогда как в крещении были *Харитоном* и *Евдокимом*; у царственного свойственника Годуновых, Федора Ивановича, было дополнительное имя *Ермий*, а младший единокровный брат царя Федора, царевич Дмитрий Углицкий, обладал еще одним именем — *Уар*.

³ Примеры такого рода весьма и весьма многочисленны. Так, сын Василия Темного, великий князь Иван / Тимофей, возводит церковь Иоанна Златоуста с приделом, посвященным апостолу Тимофею, а при его сыне — Василии / Гаврииле — в тульском кремле освящается первый соборный храм в честь архангела Гавриила и Василия Парийского. После кончины царя Федора / Ермия Ивановича его вдова Ирина Годунова отдает вкладом в Архангельский собор знаменитое кадило с изображением святых покровителей членов своей семьи: Феодора Стратилата и апостола Ермия, мучениц Ирины и Фотины и св. Феодосии. В свою очередь князь Дмитрий / Косма Пожарский завещает в Макариевский Желтоводский монастырь икону, где на одной стороне изображен Дмитрий Солунский, а на другой — св. Косма. Вместе с тем относительно тех же самых лиц, будь то царь Федор или князь Пожарский, известно множество примеров, когда в их даяниях манифестируется культ лишь одного святого — тезки по публичному имени. Так, Дмитрий / Косма устраивает в нижегородской церкви Вознесения Христова придел Дмитрия Солунского;

Очень часто, хотя и не всегда, между двумя мирскими христианскими именами одного и того же лица прослеживается своеобразная календарная соотношенность: дни празднований двум личным патрональным святым, как правило, не слишком далеко отстоят друг от друга в месяцеслове. Своеобразный временной коридор, охватывающий две-три недели до и две-три недели после даты рождения, позволял выбрать имя, отвечающее родовым предпочтениям. Часто нужное имя отыскивалось и совсем недалеко от дня появления на свет. Так, человек мог получить в крещении имя *Акила* (память апостола Акилы приходится на 14 июля), а в обиходе зваться *Владимиром* (память князя Владимира 15 июля) [Вахрамеев 1896: 22], быть в крещении *Софонией* (память пророка Софонии празднуется 3 декабря), а в публичной жизни и во множестве официальных текстов именоваться *Юрием* (по празднику освящения церкви св. Георгия в Киеве, 26 ноября), причем после кончины его поминали на обе эти даты [Майков 1909: 8; Алексеев 2010: 41–42 (л. 55об.–57)]. Представитель бюрократической элиты XVI в. запечатлевал во множестве государственных актов свое публичное имя *Борис* (память князя Бориса 24 июля), будучи при этом крещен *Каллиником* — во имя св. Каллиника Гангрского (память 29 июля) [Алексеев 2010: 38 (л. 44об–45)] и т. д. и т. п.

С другой стороны, в ту же эпоху у многих людей мирская двуименность была устроена на более архаичный лад: кроме неизменно обязательного крестильного имени человек мог обладать еще и некалендарным именем, не имеющим непосредственной связи ни с церковным месяцесловом, ни с практикой христианского имянаречения. Он мог именоваться *Голица*, *Овчина*, *Первой*, *Третьяк*, *Девятой*, *Алмаз*, *Смирной*, *Томила*, *Адаш*, *Каравай*, *Осока* и т. п.; иногда такие имена обладали благочестивой или квазиблагочестивой семантикой (*Бажен*, *Кондак*, *Келарь*, *Игумен*, *Молитва*, *Катавасия*, *Аминь*, *Обедня*, *Богдан*), однако даже и в этом случае они безошибочно опознавались традицией как имена немесясловные и никак, разумеется, не могли даваться в крещении⁴. Во второй половине XVI в., как, впрочем, и на всем протяжении

весьма велико и число храмов, посвященных в эпоху правления Федора Ивановича именно Феодору Стратилату. Еще более частотны, пожалуй, случаи, когда двуименный донатор выделяет в своем вкладе собственного тезку по имени крестильному. Так, дьяк Федор / Конон Апраксин строит в церкви мч. Василиска придел св. Конона Градаря, а княжеская семья Ногтевых-Татевых вкладывает в монастыри иконы, где на полях среди прочих семейных святых изображены свв. Митрофан и Елевферий, покровители князя Федора / Митрофана Татева и его зятя Даниила / Елевферия Ногтева (свв. Феодор и Даниил на этих артефактах отсутствуют) [Литвина, Успенский 2020а].

⁴ Некалендарная, нехристианская природа таких антропонимов в эпоху позднего русского Средневековья была отчетливо отрефлектирована, ср. кочующее из одного текста в другой рассуждение книжника: «Предисловіе толкованію именъ чловѣческихъ, яже здѣ по буквамъ писаны. Прежде убо Словяне, еще

существования «классической» двуименности (крестильное имя + нехристианское имя), эти нехристианские имена, будь то *Алмаз* или *Богдан*, употреблялись публично и открыто: они фигурировали в любых официальных документах, от царских грамот до монастырских актов⁵. Им был заказан путь лишь в некоторые — сердцевинные, по-видимому, непосредственно связанные с таинствами — сферы церковной жизни.

Строго говоря, один и тот же человек мог быть одновременно носителем обоих типов двуименности, т. е. иметь три имени кряду (два христианских и одно некалендарное — *Петр / Евфимий / Шаран*), хотя такое случалось, по всей видимости, довольно редко. Бывало и так, что у одного и того же лица было два нехристианских имени и одно крестильное (*Истома / Поньрка / Фрол*). При этом, если человек не переживал столь кардинальных перемен, как, скажем, смена конфессии, более двух христианских имен у него в миру быть не могло — этим отечественная традиция многоименности заметно отличается от традиции западной, вполне допускавшей одновременное существование целой гирлянды христианских антропонимов.

На Руси новые возможности в области полиномии открывало иночество. Если человеку случалось принимать монашеский постриг — в расцвете лет, в старости или на смертном одре — в интересующую нас эпоху он в подавляющем большинстве случаев получал новое христианское имя. Весьма любопытно и характерно для собственно русской практики то обстоятельство, что прежние его имена отнюдь не исчеза-

---

сущи поганий, не имяху книгъ, понеже неразумѣху писания, и того ради и дѣтею своимъ даяху имена, якоже восхоцеть отецъ или мати, яко же суть сия: Богданъ, Бажень, Второй, Третьякъ и прочая подобная симъ, яже нынѣ прозвища имянуются» («Книга, глаголемая Алфавит», РГБ. Ф. 173.1. № 199. Л. 77об.–78; ср.: [Леонид (Кавелин), 1: 359]; здесь и далее разрядка в цитатах всегда принадлежит авторам настоящей статьи). Ср. замечание Н. М. Тупикова: «Самый яркий пример того, что русские имена имели значение лишь прозвищ, представляет следующее место: “Богданъ, а имя ему Богъ въсть”, 1642, казак» [Тупиков 1903: 71]. В связи с антропонимом *Богдан* см. также: [Успенский 1969: 204–205; Белякова 2013].

⁵ Достаточно вспомнить лишь нескольких Богданов, игравших самые разные роли на исторической сцене в интересующую нас эпоху: Богдана Бельского, подозревавшегося в том, что он вместе с Борисом Годуновым задушил Ивана Грозного, или воеводу Богдана Сабурова, приходившегося Ивану Грозному сватом, знаменитого придворного XVII столетия Богдана Хитрово, который в крещении был *Иовом*, или Богдана Хмельницкого, крещеного как *Зиновий*, а заодно и целую череду менее прославленных Богданов XVI–XVII вв.: Богдана / Силуана Яковлева сына Соловцова, Богдана Минина сына Дубровского, Богдана Владимировича сына Сурвацкого, Богдана / Варфоломея Петрова сына Некрасова и многих других (ср. также: [Тупиков 1903: 107–112]). Для них всех, как и для десятков, если не сотен других, *Богдан* — это публичное имя, раз за разом повторяющееся в документах. Христианские же имена этих Богданов (*Иов*, *Зиновий*, *Силуан*, *Варфоломей* и проч.) зафиксированы в куда меньшем числе источников, так что отыскать их порой бывает непросто.

ли полностью: по крестильному имени инок мог праздновать именины, публичное имя (календарное или некалендарное) продолжало использоваться в деловых документах, практически любое из них могло появиться на надгробной плите, посмертное поминовение монаха нередко назначалось на день того святого, кто был тезкой усопшего по мирскому крестильному имени, и т. д. и т. п.

Таким образом, благочестивый христианин эпохи Годунова на протяжении жизни мог накопить от одного до четырех имен в почти любой их комбинации, причем только один из элементов — крестильное имя — присутствовал в ней обязательно.

Существенно, что в этой матрице из четырех базовых потенциальных элементов (крестильное имя, публичное некалендарное имя, публичное христианское имя, монашеское имя)⁶ нехристианские имена функционировали автономно и независимо от всех прочих. Какая бы то ни было смысловая и культурно-ассоциативная их соотнесенность с христианскими — явление довольно редкое, и уж тем более раритетна ситуация, когда некалендарное имя становилось бы калькой, семантической вариацией или переводом имени календарного. Подобного рода казусы, лишенные опоры на источники, можно обнаружить скорее в построениях и догадках первых историков Нового времени (В. Н. Татищева, М. М. Щербатова) или отдельных ученых XIX столетия, нежели в какой бы то ни было реальной практике⁷.

Что же касается христианских имен одного и того же лица, то все они, как правило, были соотнесены друг с другом. О календарной близости двух мирских христианских имен мы уже упоминали выше, монашеское имя также присоединялось к ним далеко не случайным образом.

Приблизительно с середины XV в. на Руси стала доминировать тенденция, согласно которой иноческое имя подбиралось по созвучию

---

⁶ Под базовыми элементами мы имеем в виду те, что были хоть сколько-нибудь широко представлены в практике имянаречения той эпохи. Строго говоря, кажется вполне допустимой ситуация, когда у одного и того же лица в миру было бы два христианских и два некалендарных имени (а постригшись в монахи, он присоединил бы к ним еще и пятое), однако на деле нам такие случаи не встречались. С другой стороны, много позже, с середины XVII в., на Руси широко распространилась практика, когда инок получал новое имя не единожды: пострижение в рясофор, в малую схиму и в великую схиму — каждый из этапов мог сопровождаться приобретением нового антропонима. Для XVI — начала XVII столетия, той эпохи, когда жил Борис Годунов, практика двукратной перемены имени в монашестве еще представляла собой большую редкость, а троекратная перемена не встречается вовсе.

⁷ Именно здесь, под пером исследователей, появляются такие русские княгини домонгольской поры, как, например, Добродея / Евпраксия, при том, что имя *Добродея* не фиксируется ни одним источником. О мнимых конвертациях христианских и языческих имен см. подробнее: [Литвина, Успенский 2006: 253–254, примеч. 48]; ср. также: [Усачев 2005: 251–255].

к тому мирскому христианскому имени, которое постригаемый получил в крещении. На практике в большинстве случаев это созвучие сводилось к совпадению начальных звуков крестильного и монашеского именованья. В данном случае фактически не имело значения, одним или двумя христианскими именами человек обладал в миру — в расчет при таком подборе всегда бралось лишь то из них, что было у каждого — имя, данное в крещении. Таким образом, дядя царя Бориса Дмитрий Годунов при постриге стал *Дионисием*, а дед царя Михаила Федоровича Никита Романов — *Нифонтом*. С другой стороны, современник Годунова, которого царь заточил в Кожеозерском монастыре, князь Иван Васильевич Сицкий был «во иноцѣхъ Сергій» именно потому, что «в крещені имя его Софроній» [Снегирев 1843: 131; Кормовая книга Новоспасского монастыря 1903: IV], а князь Тимофей / Фотий Романович Трубецкой (отец уже упоминавшегося «одноименного» Дмитрия Трубецкого), приняв схиму, стал *Феодоритом*. В XVII в. знаменитый старообрядческий деятель, известный как Иван Неронов, постригается с именем *Григорий*, «зане от святаго крещения Гавриил имя ему, Иоанн же прозвание» [Сапожникова et al. 2012: 45]. Такие люди, как Иван / Шигона Юрьевич Поджогин или Василий / Пестерь Исаков сын, вполне закономерно становятся в иночестве *Ионой* и *Варлаамом* [Шаблова 2012: 126 (л. 200об.), 345, примеч. 37].

Правило это — коль скоро задействуется принцип подбора по созвучию монашеского имени к мирскому, то подбираться оно должно исключительно к имени крестильному — соблюдалось твердо и неотменно⁸. Собственно, таким образом и замыкалась связь между всеми тремя христианскими именами, которыми потенциально мог обладать один и тот же человек. В центре этой микросистемы располагалось имя крестильное: если человеку давалось еще одно христианское имя в миру, то оно чаще всего подбиралось к крестильному по календарю, а если в монашестве — то по созвучию.

Целостная матрица имен, допускающая присутствие четырех элементов, способна доставить современному исследователю немало хлопот. В самом деле, между несколькими именованьями одного и того же лица существовало своеобразное функциональное распределение, а потому все вместе и одновременно в источниках они представлены достаточно редко. Далеко не всегда упоминание конкретного имени снабжено прямым указанием на его статус, и если христианские имена

---

⁸ При этом необходимо иметь в виду, что сам по себе этот принцип подбора не обладал статусом абсолютного закона. Иногда монашеское имя, как и встарь, определялось датой пострига, а изредка оно могло выбираться по иным соображениям — решающую роль здесь играла воля игумена.

отличить от нехристианских относительно легко, то остальные этапы реконструкции антропонимического досье — имеем ли мы дело, например, с крестильным именем, с монашеским или с публичным некрестильным — требуют определенных исследовательских усилий. Вдобавок ко всему, на XVI столетие приходится расцвет древнерусской полиномии (в особенности христианской двуименности), но в эту же пору проступают и первые признаки ее перестройки, ведущей к постепенному размыванию и угасанию.

В частности, примерно в эту пору в правящей московской семье несколько меняется соотношение между двумя христианскими именами — крестильным и родовым, династическим.

Если прежде, решившись дать ребенку два имени, родители крестили его тем из них, что выпадало ему по дню рождения, а в династической жизни именовали другим, традиционным для правителей, то в конце XV–XVI в. отпрыска великокняжеской или царской семьи крестят непосредственно именем династическим. Имя же, выпавшее ему по дате появления на свет, уже не имеет, в сущности, строго закреплённой функции, остается чем-то вроде «благочестивого придатка», факультативного дополнения в церковном обиходе [Литвина, Успенский 2019; Eidem 2020: 32–33]. Так, если сына Дмитрия Донского, родившегося в конце XIV в., крестят по дню рождения *Максимом*, а в династической жизни зовут *Андреем* (Андрей Дмитриевич Можайский), то в XVI в. Ивана Грозного несомненно крестили *Иваном*, тем самым именем, под которым он правил, а имя *Тит*, доставшееся ему по дню рождения, появляется лишь в довольно ограниченном круге письменных памятников да на ряде царских вкладов. Подобное положение дел с тремя христианскими именами правителя (Иван / Тит Грозный в монашестве стал *Ионой*) постепенно сводится к тому, что мирская христианская двуименность как таковая замещается простым почитанием тех святых, на память которых отпрыскам самодержца довелось родиться. Окончательно это произошло в XVII в., в династии Романовых, у которых с восшествием на престол христианской двуименности попросту не стало⁹. Существенно, однако, что ни в XVI, ни в XVII столетии за пределы правящих родов отмеченная тенденция как будто бы не распространяется: подданные Рюриковичей и Романовых отнюдь не отказываются от полноценной христианской двуименности и весьма активно используют возможность крестить младенца одним именем, а в публичной жизни называть другим. Иными словами, приходится

---

⁹ Так, Петр I несомненно почитал св. Исакия Далматского, на день которого родился (30 мая 1672 г.), но имени *Исакий* как такового у него, судя по всему, не было, как не было вторых имен у его отца, деда и всех их детей.

учитывать, что матрица из четырех имен внутри династии и за ее пределами может быть устроена в это время несколько по-разному.

Трудности с точным и однозначным установлением личных небесных покровителей того или иного лица усугубляются еще и тем, что, помимо разнообразной «новой» путаницы, привнесенной неверными исследовательскими трактовками, существует еще и путаница «древняя», явленная в самих текстах и артефактах второй половины XVI–XVII столетия.

Этой эпохе присущи своеобразные черты «барокко прежде барокко», когда страсть к дифференцирующей точности в культе святых, увлечение подробностями и деталями неожиданно, но вполне закономерно перерастает порой в стремление к наведению мостов, в поиск точек пересечения, позволяющих людям XVI–XVII вв. по каким-то особым признакам и ассоциациям присваивать себе или своим родичам объединенный патронат сразу нескольких небесных покровителей. Тождество или сходство имен или совпадение дней празднований оказываются наиболее наглядным и удобным средством, запускающим механизм подобного объединения, конечная цель которого — создание для того или иного человека целого сонма личных заступников.

Так, у родной сестры царя Бориса, царицы Ирины Годуновой, было две основных небесных покровительницы — св. Ирина Иллирийская и св. Фотиния Самаряныня. При этом на одном из образов Ипатьевского монастыря, особо почитаемом семьей Годуновых, представлена не только св. Ирина, но и ее сомученицы Агапия и Хиония, чья память отмечается в тот же день¹⁰. Не будучи тезками царицы, они, таким образом, тоже почитались ею и рассматривались как ее непосредственные заступницы — подобно тому, как св. Глеб мог считаться покровителем обладателя имени *Борис* (см., например, примеч. 14 на с. 197). При этом в большинстве случаев на годуновских вкладах рядом со св. Ириной все же появляются не Агапия и Хиония (память 16 апреля), а св. Фотиния, на память которой (20 марта) будущая царица скорее всего появилась на свет.

Обыкновенно из множества небесных тезок благочестивый человек XVI–XVII столетия тщательно выделял именно того, в честь кого был наречен, но иной раз мы сталкиваемся с проявлениями личного культа сразу двух соименных святых — древнего, общехристианского, и не так давно прославленного, собственно русского, например, свв. Дмитрия

¹⁰ Ср. описание вклада Дмитрия Ивановича Годунова, дяди царицы: «да велель те золотые на мѣдные нити възнизати и прикласти къ мѣстнымъ образомъ [...] у великомучениць Ирины, Агапии и Хеонии 2 золотыхъ и всехъ золотыхъ въ цекве [sic! — А. Л., Ф. У.] у мѣстныхъ образовъ и у малыхъ пядницъ у Федора Стратилата 126 золотыхъ» [Соколов 1890: 55]. Ср. также: [Литвина, Успенский 2019a].

Солунского и царевича Дмитрия¹¹, свв. Иоанна Предтечи и Иоанна, архиепископа Новгородского (ср., например, казус Ивана Михайловича Шуйского [Литвина, Успенский 2019б: 12–14]), или свв. Григория, просветителя Армении, и Григория Печерского (ср., например, историю поминовения Малюты / Григория Скуратова, установленных Иваном Грозным [Ibid.]). Обратим внимание, что даты празднований этим святым, старым и новым, в календаре не совпадают — главную роль здесь играло тождество имен, которое позволяло сформировать некий символический треугольник личного благочестия, включавший трех тезок (древнего святого и двух названных в его честь людей, один из которых, в свою очередь, был недавно канонизирован).

Картина подобного рода пересечений и объединений оказывается тем более пестрой и разнообразной, что рядом с продуманными конструкциями личного благочестия сосуществуют, с одной стороны, еще и рудименты давнего, восходящего к домонгольскому времени «наивного» синкретизма в обобщенном почитании всех небесных тезок, а с другой стороны, не столь уж редки простые ошибки переписчиков, знаменщиков, иконописцев, путающих нескольких одноименных святых или присваивающих одному святому эпитеты или атрибуты другого. Казусы такого рода переноса и объединения по смежности чрезвычайно многочисленны, механизмы подобного смешения сами по себе заслуживают отдельного исследования. Упомянем здесь лишь два эпизода, устроенные совершенно по-разному, но равным образом вызванные к жизни календарным соседством. Так, во Вкладной и кормовой книге московского Симонова монастыря князя Бориса / Емелиана Лыкова — современника Годунова и зятя будущего патриарха Филарета — предписывается поминать 18 июля, «на память святого великомученика Емелияна, и же во Амастриде...» [Алексеев 2006: 36 (л. 28)]. Великомученика Емелиана Амастридского не существовало в природе — князь, как мы знаем по многим другим источникам, был крещен во имя св. Емелиана Доростольского. Однако в тот же день, 18 июля, отмечается память мученика Иакинфа, и же во Амастриде: имя одного святого ошибочно соединилось с местом мученичества другого, и в результате появился некий месяцесловный фантом. В низовой среде подобное

¹¹ Очень характерна в этом отношении история посмертного поминовения уже появлявшегося в нашей работе князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, который был современником царевича Дмитрия и ни в коем случае не мог быть наречен в его честь. Оба они, со всей очевидностью, были крещены в честь св. Дмитрия Солунского. Судя по всему, это обстоятельство сыграло весьма важную роль в том, что царевич-мученик воспринимался как заступник князя Трубецкого и его изображение было помещено на дробнице фелони — поминальном вкладе его жены в Троице-Сергиев монастырь — среди святых, соименных членам семьи [Литвина, Успенский 2019б: 12].

смешение могло доходить до того, что имена двух сомучеников, чья память отмечалась под одной датой, объединялись и сливались воедино (такова, по всей видимости, история появления на русской почве имени *Провоторх* или *Провотор*)¹².

Между тем — при всей своей трудоемкости — воссоздание верной и полной картины имянаречения каждого человека той эпохи совершенно необходимо для того, чтобы составить правильное представление о его личном благочестии, бытовой, церковной и официально-прагматической жизни, о его месте в отдельно взятом роду и в социуме. Сколько же потенциальных ячеек описанной выше матрицы были заполнены в антропонимическом досье Бориса Федоровича Годунова — и как они заполнялись? Или, формулируя несколько иначе, сколько имен было у этого русского царя и каков был статус каждого из них?

Борис и Боголеп

Доподлинно известны и хорошо задокументированы два ономастических факта: царь правил под именем *Борис*, а перед кончиной принял постриг и получил монашеское имя *Боголеп*.

В XVI в. *Борис* — это полноценное христианское имя с весьма своеобразной историей. Как известно, в церковный месяцеслов оно попало благодаря общерусскому прославлению собственных святых — князей, каждый из которых обладал двумя именами, *Борис / Роман* и *Глеб / Давид*. Первоначально они почитались под своими крестильными, привычными для церковного обихода именами (*Роман* и *Давид*), но очень быстро в этом культе закрепились их княжеские, языческие по происхождению имена. Соответственно, имя *Борис* на совершенно легитимных основаниях проникает в русские месяцесловы [Лосева 2001: 330, 391] и на протяжении многих столетий весьма охотно дается в крещении. Небесным покровителем всех его обладателей был единственный святой с этим именем — русский князь Борис Владимирович, причисленный к лику мучеников. Поскольку борисоглебский культ предполагал совместное почитание двух братьев, то зачастую оказывалось, что нареченный в честь одного из них автоматически подпадал под патронат обоих.

Замечательно, что в подавляющем большинстве случаев человек, получивший в крещении имя *Борис*, либо делался обладателем публич-

---

¹² Как известно, память сомучеников Прова, Тарха (Тараха) и Андроника Киликийских отмечается в один день (12 октября). Точные причины и обстоятельства их слияния нуждаются в отдельном рассмотрении. Существенно при этом, что в ту же эпоху оба имени, *Тарх* и *Пров*, употребляются и по отдельности, в качестве полноценных самостоятельных имен.

ного *Глеб*¹³, либо — что происходило гораздо чаще — вовсе не нуждался во втором христианском имени, потому что заступничество еще одного покровителя было ему уже обеспечено. В русской религиозной практике, при всей ее склонности к совместному, парному почитанию соучеников, трудно отыскать другой пример столь тесной сопряженности культа двух святых. Подобная сопряженность могла доходить до того, что раздельное изображение князей Бориса и Глеба считалось чуть ли не греховным — хотя такую точку зрения едва ли можно назвать общепринятой, именно этот упрек недоброжелатели Годунова могли бросать его сторонникам, видя в отдельном почитании св. Бориса без св. Глеба неподобающую форму угождения нелегитимному правителю¹⁴. Существенно, впрочем, что подобная парность патроната Бориса и Глеба по отношению к конкретному человеку — это все же тенденция, а не закон: известны отдельные случаи, когда при публичном имени *Борис* все-таки давалось иное крестильное имя¹⁵.

Существенно, с другой стороны, что имя *Борис*, не прошедшее горнило византийской огласовки, оказалось единственным на все православные святцы именем христианского святого, начинающимся на букву –Б–. В домонгольское время это обстоятельство, судя по всему, не имело большого значения, так как в ту пору сосуществовали разные способы монашеского именнаяречения и правило созвучия крестильного

¹³ Аналогичным образом обладателям крестильного имени *Глеб* также «по умолчанию» был обеспечен патронат св. Бориса, и потому в каких-то других небесных заступниках, приобретаемых путем тезоименитства, у них тоже зачастую уже не было необходимости.

¹⁴ См. упреки Ивана Тимофеева, который утверждает, что на иконах при Годунове недолжным образом стали изображать одного св. Бориса, отторгая св. Глеба [РИБ, 13: 337 (л. 113–113об.); Державина 1951: 61].

¹⁵ Так, человек, ставший в крещении *Емелианом*, *Калинником*, *Иваном*, *Леонтием*, или *Карпом*, вполне мог в повседневном обиходе зваться *Борисом* или *Глебом* (скончавшийся в 1644 г. боярин Борис / Емелиан Лыков, стольник Борис / Иван Бутурлин (в 1683 г. — новгородский воевода), родившийся в XVI в. Борис / Карп Левашов, князь и сенатор Борис / Леонтий Куракин, умерший в 1764 г., дьяк и печатник XVI в. Борис / Каллиник Сукин и воевода эпохи Грозного, князь Глеб / Каллиник Оболенский). Хорошей иллюстрацией к этой довольно сложной модели служит антропонимическая история живших в XVII в. братьев Морозовых. Один из них, воспитатель будущего царя Алексея Михайловича, был *Ильей* в крещении и *Борисом* в публичной жизни, тогда как другой — супруг знаменитой боярыни Морозовой — в крещении был *Борисом*, а в публичной жизни именовался *Глебом*. Особняком стоит казус атамана верхотурских беломестных казаков, основателя Красноярской слободы Иакова / Бориса Лепихина (в монашестве Боголепа), у которого имя *Борис*, судя по всему, было крестильным, но при этом все же появилось второе христианское имя *Яков* (о Лепихине и его именах см. подробнее: [Литвина, Успенский 2018: 274–275]). Казус этот довольно сложен, тем более что принадлежит он к концу XVII столетия, эпохе во многих отношениях переломной, но все же он сигнализирует нам, что описанная выше особенность использования имен *Борис* и *Глеб* является весьма мощной тенденцией, а не абсолютным законом.

и иноческого имени отнюдь не было доминирующим. Однако много позже, когда в Московской Руси возобладал именно этот принцип, обнаружилось, что носители столь популярного имени, принимая постриг, не имеют возможности следовать общераспространенному благочестивому обычаю. Ради преодоления подобной алфавитной ущербности предпринимается не имеющий прецедентов в русской антропонимической практике шаг: создается уникальное для церковного обихода имя *Боголеп*, которое на протяжении всего Средневековья функционировало исключительно как имя монашеское. Во всех случаях, когда нам известно крестильное имя его обладателя, это непременно не что иное, как *Борис*.

Так, в первой половине XVI в. имя *Боголеп* получил в монашестве князь Борис Иванович Горбатый, скончавшийся в 1538 г. [Леонид Кавелин 1879: 83]. В середине XVI в. *Боголепом* стал Борис Цветной, отец некоего Ивана / Тучко¹⁶; примерно в ту же пору жил и священноинок Боголеп, в миру *Борис*, строитель Троицкого Сергиева монастыря в Великих Луках, постригший св. Мартирия Зеленецкого¹⁷. В 1559 г. с именем *Боголеп* принял постриг великокняжеский ловчий Борис Васильевич Дятлов [Алексеев 2006: 59]. В 1639 г. с этим именем постригся Борис Васильевич Львов, насельник Кожеозерского монастыря и автор Жития Никодима Кожеозерского [Понырко 1992]. Существует, наконец, святой с именем *Боголеп* — Боголеп Чернойарский (в миру Борис Яковлевич Ушаков), он принял это имя в середине XVII в.¹⁸

Число примеров такого рода можно многократно умножить. В нашей перспективе они недвусмысленно свидетельствуют, что Годунов сделался в монашестве *Боголепом* именно потому, что в крещении был *Борисом*: такое имянаречение было вполне закономерным, традиционным и естественным. С другой стороны, публичный характер имени *Борис* в биографии Годунова засвидетельствован в сотнях, если не в тысячах документов, относящихся как ко времени его правления, так и к периоду его постепенного возвышения при двух царях из династии

¹⁶ Ср. Данную 1566 г.: [Либерзон, 1: 192, № 292].

¹⁷ См.: [Бычков 1897: 343; Крушельницкая 2005: 678]; ср. о нем также в Житии Мартирия [Кушелев-Безбородко, 4: 52–53].

¹⁸ См.: [Романова, Андроник Трубачев 2002]. Казалось бы, это обстоятельство открывает возможность для использования данного имени при крещении мирян, однако на деле сколько-нибудь заметного распространения оно в таком качестве не получило. В конце XVII–XVIII столетия отыскиваются лишь некоторые намеки, позволяющие заподозрить, что в ту пору оно иногда употреблялось как мирское, но все эти данные скудны, ненадежны и невыразительны. Так, в источниках встречаются: родовое прозвание *Боголепов*, соответствующее патронимическое образование и упоминание некой Боголеповской торговой лавки («...лавка пуста Боголѣповская Плетнева» [Дионисий 1892: 37]), однако нет упоминаний мирян, которые напрямую именовались бы этим именем.

Юриковичей. Иными словами, это имя, судя по всему, занимало сразу две ячейки в существующей антропонимической матрице, совмещая в себе функции крестильного и публичного¹⁹, что обычно бывало у тех, кто в миру был одноименным. Помимо всего прочего, такая ситуация была вполне типична для тех, кто в крещении был *Борисом*: как уже упоминалось выше, им как бы не требовался еще один святой тезка, потому что второй небесный покровитель, св. Глеб, у них без того был.

Остается ли в таком случае в антропонимическом досье Бориса (Боголепа) место для каких-либо еще дополнительных именовании? В различных исследованиях можно обнаружить целых два полноценных христианских имени, которые связываются с фигурой этого русского государя, и еще одно нехристианское. Остановимся подробнее на каждом из этих антропонимов.

Иаков (Яков)

В некоторых исследованиях, в частности, в труде замечательного этнографа Н. Н. Харузина (который одним из первых обратил особое внимание на феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси и отметил необходимость его специального изучения) можно встретить вполне уверенное утверждение, что у царя Бориса было второе мирское имя *Иаков*²⁰. Харузин не счел необходимым сопроводить это указание ссылками и аргументами, поскольку оно было почерпнуто из источника действительно общедоступного и общеизвестного — «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Здесь это известие появляется как некий элемент подлинной генеалогии Лжедмитрия I (Григория Отрепьева), где утверждается между прочим, что настоящего

¹⁹ С хорошей вероятностью именины Бориса Годунова приходились на 24 июля, память свв. Бориса и Глеба (а, скажем, не на 2 мая, когда праздновалось перенесение мощей князей-мучеников). Во всяком случае, судя по показаниям вкладной книги костромского Ипатьевского монастыря (родовой обители Годуновых), в 1595 г. Борис Федорович, еще в бытность свою боярином и царским конюшим, дал вклад по себе и по своей жене. Соответственно, дата заздравного корма по нему самому определялась как «июля въ кд <24> день, на пама⁷ Бориса Глѣба» [Книга вкладная 1728: л. 15об.]. «Память царю Борису, во иноцех Боголепу» указана под 24 июля и в других источниках коммеморативного типа: во Вкладной книге московского Новодевичьего монастыря [Павлов-Сильванский 1985: 205 (л. 380)] и Кормовой книге Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря [Суворов 1861: 309]. Вместе с тем в отдельных синодиках XVII в. Бориса Годунова предписывалось помянуть на 2 мая, когда также празднуется память св. Бориса (ср., например: [Титов 1902: 6]). Замечания об именинах Годунова по данным разрядных книг см. в работе: [Козляков 2017: 48, 279, примеч. 29].

²⁰ «Борис Годунов назывался кроме того и Я к о в о м» [Харузин 1899: 170]. Утверждение Н. Н. Харузина было воспроизведено в работах: [Антонова, Мнева, 2: 186, примеч. 2; Маргвелашвили 1967].

отца самозванца звали *Яковом* и он был тезкой Годунова по одному из имен:

См. [...] современную *Повесть о Борисе Годунове и Разстриге* (принадлежащую А. И. Ермолаеву), где сказано, что отец Разстригин *назывался Яковом, как и сам Годунов* (следственно *Яков-Борис*) [Карамзин, 12: 38, гл. II, примеч. 194].

Ни в каком другом источнике сведений об имени *Яков* у Бориса Годунова обнаружить не удастся. Вообще говоря, сам по себе этот факт не должен непременно насторожить исследователя: при наличии у человека двух христианских имен одно из них всегда остается более интимным и куда реже проникает в письменные тексты. Ситуация, когда оно дошло до нас в одном-единственном памятнике, вполне типична для истории этого явления.

Как же именно упоминаемый Н. М. Карамзиным источник говорит о двуименности русского царя?

Здесь мы сталкиваемся с некоторой неожиданностью. Подробное и добросовестное чтение «Повести како восхити царский престол Борис Годунов», того самого текста, принадлежавшего А. И. Ермолаеву, который Н. М. Карамзин именуется «Повестью о Борисе Годунове», не позволяет обнаружить в нем никаких упоминаний о втором мирском имени государя. Зато такое чтение дает возможность восстановить механизм возникновения этих целиком ошибочных сведений.

В «Повести» мы находим некий пассаж, содержащий сложную сравнительно-уподобительную конструкцию:

И попусти на него такова же врага и законопреступника, Російскія же области, града зовомаго Галича, отъ малые чади сынчишка боярского Юшку Яковлева сына Отрепьева, яковъ и самъ той святоубійца Борисъ Годуновъ [РИБ, 13: 154].

Совершенно очевидно, что при беглом просмотре рукописи сам Н. М. Карамзин — а скорее, кто-то из его сотрудников — принял элемент синтаксической конструкции *таков... яков* за имя собственное²¹, и ошибка эта дала жизнь несуществующему царскому именованию.

Сама эта ошибка в своем роде тоже показательна: можно сказать, что Н. М. Карамзин, в отличие от позднейших отечественных историков, жил и работал в ту пору, когда светская христианская двуименность

²¹ Ср. сходный, но иначе оформленный пассаж в «Сказании о царстве царя Феодора Иоанновича»: «Попустил Богъ на него окаянного, грѣхъ ради нашихъ, такова же богоотступника и еретика, законопреступника, Російскія области, града Галича сынчишка боярскаго Гришку Яковлева сына Отрепьева, таковой же святоубица, что и Борисъ Годуновъ» [РИБ, 13: 795–796].

хотя и сделалась уже явлением скорее периферийным, но еще оставалась в русской повседневной жизни чем-то понятным, привычным и естественным, своего рода знакомой приметой уходящей эпохи. Присутствие у того или иного исторического лица второго христианского имени было вполне ожидаемым, и всякий намек на его существование охотно подхватывался и шел в дело.

Замечательно, что вся эта ситуация с вчитыванием несуществующего царского имени была отмечена еще С. Ф. Платоновым в 1888 г. Уже в ту пору исследователь заметил казус с превращением относительного местоимения *яков* в имя собственное и совершенно справедливо подчеркнул, что «ни грамматический строй, ни логический смысл речи нашей Повести» не позволяют читать соответствующее место таким образом [Платонов 1888: 28–29, примеч. 1]. Однако авторитет Карамзина был столь высок, что рецензировавший монографию «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник» П. Н. Полевой предпочел довериться автору «Истории государства Российского», а не молодому своему современнику, и хотя никаких источников с указанием имени *Яков* привести он не смог, но полагал, что где-нибудь в рукописи А. И. Ермолаева они существуют, раз уж Карамзин их там увидел [Полевой 1888: 490–491]. Так карамзинский фантом и поселился в историографии, а через десяток лет получил дополнительное подкрепление в труде Н. Н. Харузина.

Иначе говоря, перед нами ситуация, весьма близкая к той, которая описана в знаменитом рассказе Ю. Н. Тынянова о подпоручике Кижее, где несуществующая личность появляется из-за ошибки при переписывании документа и, однажды материализовавшись на бумаге, обретает патологическую жизнеспособность и оберегается от уничтожения.

Нам же остается только подчеркнуть, что решительно никаких оснований присваивать Борису Годунову имя *Иаков (Яков)* не существует.

Феодот и Богдан

Еще чаще в исследовательской литературе — включая работы самых последних лет — можно встретить уверенное рассуждение о том, что в миру Борис Годунов обладал именами *Феодот* и *Богдан*²². Поскольку ни в одном средневековом письменном источнике не сказано, что они у царя были, уместно задаться вопросом, что же послужило основанием для таких утверждений.

²² См.: [Антонова, Мнева, 2: 185–186, № 588]; ср.: [Ibid.: 156–157, № 550; Маясова 1966: 306, примеч. 63; Трубочева 1990: 14, 16; Алпатов, Родникова 1990: 317; Баталов 1996: 79–80; Мартынова 1999: 333, примеч. 16; Ульяновский 2006: 25; Абраменко 2012: 203; Васильева 2012: 48; Зюзева 2016: 68; Козляков 2017: 264, 308; Макарий Веретенников 2018: 53].

Дело в том, что на иконах, окладах и росписях, определенно связанных с семьей Годуновых, нередко появляется св. Феодот: он фигурирует среди небесных тезок членов царской семьи, соседствуя со свв. Борисом, Феодором Стратилатом, Марией Магдалиной и преподобной Ксенией Милаской (Римлянкой)²³. Вообще говоря, всевозможные артефакты, отражающие культ личных небесных покровителей, дают весьма значительную долю информации, помогающую в поисках непубличных христианских имен самых разных людей той эпохи. Зачастую целая семья именно так запечатлевает сведения о своих тезках по крестильным именам. Очевидная сложность при работе с этим типом источников заключается в том, что подобные коллективные изображения не дают однозначного соотношения небесного покровителя и его земного тезки: мы, как правило, не располагаем прямыми указаниями, является ли тот или иной святой на дробнице, иконе или фреске покровителем тестя или зятя, отца или сына, живого или умершего члена того или иного рода. Здесь приходится читать и атрибутировать имена, сопоставляя известное с неизвестным.

При этом мы можем быть уверены, что св. Борис (и часто фигурирующий вместе с ним св. Глеб) были небесными патронами самого царя Бориса. Мария Магдалина — это патрональная святая царицы Марии Григорьевны Годуновой, о чем недвусмысленно свидетельствует, например, запись во Вкладной книге Ипатьевского костромского монастыря²⁴. В свою очередь, св. Ксения Римлянка, вне всякого сомнения, была покровительницей их дочери, Ксении Борисовны. Что же касается св. Феодора Стратилата, то он явно соотносится с фигурой царевича — Федора Борисовича, который был наречен в честь своего деда, Федора Ивановича Кривого, и, по всей видимости, унаследовал его патронального святого²⁵. Фигура св. Федота могла бы показаться здесь несколько избыточной, однако мы знаем, что на такого рода групповых

²³ Ср.: [Антонова, Мнева, 2: 185–186, № 588, 331 № 805, 332, № 806; Маясова 1966: 306; Трубачева 1990; Баталов 1996: 79–80; Абраменко 2012: 203–206; Мартынова 1999: 322, 333, примеч. 16; Зюзева 2016: 68–69; Козляков 2017: 264; Макарий Веретенников 2018: 53].

²⁴ «...на Марьины иманины Григорьевны, июля вѣ кв <22> де^н: на памат Марии Магдалины» [Книга вкладная 1728: л. 15об.].

²⁵ Фигура Феодора Стратилата присутствует среди изображений других святых, помещенных «в гробнице надъ родители [...] Бориса Федоровича <Годунова>» в костромском Ипатьевском монастыре [Соколов 1890: 44], а во Вкладной книге этой обители заупокойный корм по отцу Бориса Годунова был назначен именно на 8 февраля, т. е. на празднование Феодору Стратилату [Книга вкладная 1728: л. 9]. Правда, если судить исключительно по набору святых на плащанице из мастерской Агриппины, жены Дмитрия Ивановича Годунова, как это делала Н. А. Маясова, небесным покровителем Федора Кривого мог быть и св. Федор Тирон, а не Федор Стратилат [Маясова 1984: 36].

патрональных изображениях могут быть отражены сразу два имени кого-то из членов семьи, публичное и непубличное. С кем же в таком случае связана фигура св. Феодота?

В свое время в «Каталоге древнерусской живописи» В. И. Антоновой и Н. Е. Мневой было предложено безальтернативное решение, согласно которому фигуру св. Феодота следует связывать непосредственно с царем Борисом. Авторитет этого замечательного труда был настолько высок, что в дальнейшем версия «Каталога...» не только никем не оспаривалась, но многократно тиражировалась, неуклонно трансформируясь из исследовательской гипотезы в непреложный факт, хотя никаких дополнительных аргументов в ее пользу с тех пор предложено не было.

Между тем гипотеза В. И. Антоновой и Н. Е. Мневой была сформулирована в ту эпоху, когда сведения о христианской многоименности на Руси носили довольно хаотичный и фрагментарный характер, еще не сделавшись, вопреки пожеланию Н. Н. Харузина, предметом самостоятельного системного описания. В комментарии «Каталога...» относительно фигуры св. Феодота на годуновских вкладышах нет никаких объяснений и доказательств — это всего лишь краткая реплика, вместившая в себя, однако, целый ряд ошибочных суждений:

Святые, соименные Борису Годунову и его семье. Феодот Анкирский соответствует «прямому» имени Годунова, которое было Богдан (славянская форма греческого имени Феодот). Борис Годунов назывался, кроме того, и Яковом²⁶.

Во-первых, существование имени *Богдан* у Бориса Годунова решительно ничем не подтверждено: его не фиксирует ни один из многочисленных письменных источников эпохи; нет его, разумеется, и ни на одном годуновском артефакте. В «Каталоге» по этому поводу не приводится ни одной ссылки на аутентичный текст, а единственное библиографическое указание на работу Н. Н. Харузина имеет отношение исключительно к имени *Яков* — об имени *Богдан* у Годунова в статье Харузина не говорится ни слова.

Во-вторых, по отношению к имени *Богдан* (которого, повторимся, у царя не было) совершенно неуместна и неадекватна характеристика

---

²⁶ См.: [Антонова, Мнева, 2: 185–186, № 588]; ср.: [Ibid.: 156–157, № 550]. В том или ином виде эта точка зрения некритически воспроизводится в большинстве работ о Борисе Годунове (ср. выше примеч. 22). Так, например, В. Н. Козляков [2017: 308] говорит, что при крещении будущий царь получил «имя Феодот (Богдан) в память святого Феодота Анкирского», а Э. А. Гордиенко [1984: 220, примеч. 54] утверждает, что «Борис Годунов имел “прямое имя” Богдан, соответствующее греческому Феодот», причем ссылается на работу Н. Н. Харузина, где говорится, однако, лишь о том, что «Борис Годунов назывался кроме того и Яковом» (см. об этом выше в настоящей статье), но ни слова не сказано о наличии у царя имен *Богдан* или *Феодот*.

«прямое имя»: этим словосочетанием в традиции обозначались исключительно имена из церковного месяцеслова. Как правило, так характеризуется крестильное имя человека, а иногда (гораздо реже) — имя того святого, на память которого человек родился, но не получил его при крещении. *Богдан*, как мы помним, имя некалендарное (см. подробнее с. 190) и, соответственно, ни тем, ни другим быть никак не могло и никогда так не обозначалось. Напротив, в источниках оно стабильно противопоставляется христианскому имени («Богдан, прямое имя Митрофан», «Богдан, а прямое имя Иван») ²⁷ и маркируется как некрестильное обиходное имя ²⁸.

В-третьих, для этой эпохи мы не знаем ни одного случая, когда кому бы то ни было подбирался святой покровитель путем перевода его славянского нецерковного имени на греческий язык. Более того, не прослеживается никакой мало-мальски выраженной тенденции наделять обладателей нехристианского имени *Богдан* крестильным именем *Феодот*. Иными словами, имени *Богдан* у царя Бориса в «Каталоге» Антоновой и Мневой невозможно присвоить даже статус реконструкции: тех моделей, по которым его пытаются ввести в оборот, в русской антропонимической практике попросту не наблюдается.

И наконец, в-четвертых, признание за царем Борисом имени *Иаков* в данном случае не просто воспроизводит ошибку Н. М. Карамзина и Н. Н. Харузина, о которой мы писали выше, но и создает совершенно немыслимую путаницу из трех мирских христианских имен (*Борис / Феодот / Яков*) у одного и того же лица.

Итак, построение, предложенное в «Каталоге древнерусской живописи», приходится целиком отвергнуть, а о додуманном исследователями имени *Богдан* у Бориса Годунова — окончательно забыть. Однако это не избавляет нас от необходимости объяснить появление св. Феодота на годуновских вкладах.

Свв. Феодоты

Любая аргументация в пользу патроната св. Феодота над одним из членов семьи Годунова поневоле оказывается сложной и едва ли может быть безапелляционной, потому что здесь мы вновь сталкиваемся со своего рода путаницей, и при этом речь идет о путанице древней, распространяющейся не только на труды исследователей, но и на источники XVI–XVII столетия. Путаница эта связана со сложностью

²⁷ Ср. также: «...по Богдане по Пуповском, а имя ему Варфоломей» [Шаблова 2012: 124, л. 193].

²⁸ Ср., например: «Семион а прозвище Богдан» [Либерзон, 2: 141, № 723]; «Селуян Яковлев сын Соловцов, прозвище Богдан» [Рогожин, 2004: 97, л. 172об.].

отождествления соответствующего святого, изображаемого на иконах и других артефактах, пожертвованных Годуновыми.

В месяцеслове есть несколько святых с именем *Феодот*. С кем же из них была связана интересующая нас семья?

Довольно регулярно на соответствующих артефактах фигурирует надпись «Феодот Анкирский»²⁹. Так, мы видим ее, например, на двух иконах письма Прокопия Чириня (и та и другая называются «Избранные святые», на них представлены свв. Борис и Глеб, Феодор Стратилат, Феодот Анкирский, Мария Магдалина и Ксения Римлянка) [Антонова, Мнева, 2: 331–332, № 805, 806], есть соответствующая подпись и на черновой дробнице с оклада иконы «Богоматерь Смоленская» (см. *ил. 1*)³⁰, на дробнице сударя «Троица» (вклад Бориса Годунова)³¹ и на дробнице с надгробного покрыва царевича Федора Борисовича³². Судя по описи ризницы Кирилло-Белозерского монастыря, там имелся «образъ мѣстной Господь Саваоѣъ, по сторонамъ въ моленіи Борисъ и Глѣбъ да Феодоръ Стратилать да Феодотъ Анкирскій да Марія Магдалина да преподобная Ксенія» [Савваитов 1861: 138–139]. В Приходно-расходной книге Новодевичьего монастыря 1603–1604 гг. сообщается, что в келье царицы-инокини Ирины Годуновой в числе прочих имелись иконы «Борис и Глеб и Мария Магдалина» и «Феодора Стратилата, Феодота Анкирского и преподобной Ксении» [Павлов-Сильванский 1985: 85 (л. 11об.)].

Лишь единожды на иконах годуновского круга мы обнаруживаем эпитет «Киринейский», который обычно применяется к другому обладателю этого же имени (о нем нам еще предстоит говорить ниже).

Кроме того, в целом ряде случаев иконы и предметы озаменованы лишь общим указанием, что перед нами мученик или священномученик Феодот, а какой бы то ни было уточняющий эпитет на них отсутствует. Так, в частности, на одной из дробниц знаменитого золотого оклада к

²⁹ Память св. Феодота Анкирского отмечается 7 июня, 7 ноября и 18 мая.

³⁰ См.: [Трнев 1902: 54, 64–65, табл. VI, № 15; Мартынова 1999: 318, 322, *ил. 4*]. Кроме того, в работе Д. К. Трнева упоминается икона с соименными членам семейства Бориса Годунова святыми, изображенными предстоящими по сторонам композиции «Предста Царица», однако присутствует ли на ней среди прочих Феодот Анкирский, из описания автора остается неясным, как неясна и судьба самого этого артефакта: «[...] икона эта была выставлена в одной иконной лавке в Москве и отличалась достоинством письма и [...] хорошей сохранностью» [Трнев 1902: 73, 154, примеч. 132].

³¹ См.: [Балдин, Манушина 1996: 383, *ил. 312*]. В описании В. Т. Георгиевского интересующий нас святой идентифицирован как «мученик Феодотий Гизский», однако святого с таким наименованием вроде бы нет; по-видимому, перед нами результат ошибочного прочтения эпитета *Ангирский* (= Анкирский) [Георгиевский 1914: 22].

³² Ср.: [Спирина 1981: 460]. Об этом артефакте см. также далее в настоящей работе.

Ил. 1. Дробница с оклада иконы «Богоматерь Смоленская»
[Мартынова 1999: 322, ил. 4]

иконе «Троица» из местного ряда Троицкого собора костромского Ипатьевского монастыря (вклад Дмитрия Ивановича Годунова) мы видим изображения апостола Филиппа (слева), Феодора Стратилата (в центре) и св. Феодота (справа) в виде святителя с Евангелием и подписью «священномученик Феодот»³³. На внешней стороне одной из створок

³³ «СТА СВШНАМУ ΘΕ//Ω//Д//ΟΤЪ» [Зюзева 2016: 68–69, ил. 3]. Изображение апостола Филиппа вполне закономерным образом связывает святых покровителей царской семьи с посвящением церкви, где находилась икона: придел в Троицком соборе в Ипатьевском монастыре был посвящен апостолу

Ил. 2. Святые, соименные членам семьи Бориса Годунова (складень-«кузов» с иконой «Богоматерь Владимирская») [Гнутова 2018: 29]

складня-«кузова» с иконой «Богоматерь Владимирская» (возможно, также вклад царского дяди Д. И. Годунова) между изображениями Феодора Стратилата и преподобной Ксении мы находим фигуру в святительских одеждах с надписью «ΘΕΩΔΟΤЪ» [Гнутова 2018: 23, 29] (см. ил. 2).

На одной из икон из частного собрания, приписываемой (по-видимому, без должных оснований) Прокопию Чирину, изображены Мария Магдалина, преподобная Ксения, свв. Борис и Глеб и св. Феодот (см. ил. 3), причем над фигурой последнего имеется надпись «свѣщенны Феωδοτѣ»³⁴ (несколько забегая вперед, обратим внимание, что здесь отсутствует св. Феодор Стратилат).

Сохранился, кроме того, рукописный лист греческого Евангелия-апракос, переписанного в 1596 г. в Москве Арсением Элассонским и украшенного русскими художниками, которые изобразили в медальонах уже привычных нам покровителей членов царской семьи и среди них св. Феодота с Евангелием и подписью «ΘΕΩΔΟΤЪ»³⁵ (см. ил. 4).

Филиппу и священномученику Ипатииу Гангрскому, явившимся прародителю Годуновых, мурзе Чету (в крещении *Захарии*).

³⁴ См.: [Icons 1991: 106–107, № 556]. В каталоге Сотбис интересующий нас святой идентифицирован как Feodor of Ankara, а в работе Н. М. Абраменко [2012: 203–204] – как Феодот Киринейский. Кроме того, следует иметь в виду, что сами надписи на иконе вызывают определенные сомнения в своей аутентичности.

³⁵ Рукопись была вложена Арсением в лавру св. Саввы Освященного и хранилась в библиотеке Иерусалимской Патриархии, ныне известно иное местонахождение кодекса: Иерусалим, Скевофилаксия храма Воскресения, №5 [Фонкич 1977: 52–54, № 6; Idem 2003: 48–49]. В своем описании исследователь не указывает

Ил. 3. Икона «Избранные святые», приписываемая Прокопию Чирину [Icons 1991: 106–107, № 556]

вырезанный лист с изображениями евангелистов и с началом соответствующих чтений — интересный нас фрагмент рукописи с началом чтений Евангелия от Марка, где на заставке есть фигуры годуновских святых, оказался в Дублине, в библиотеке Честер Битти (W.143.5.3). Авторы весьма признательны А. С. Преображенскому и Д. Г. Полонскому за указание на этот памятник и сообщение основных сведений о нем. В исследовании Б. Л. Фонкича содержится описание еще одной рукописи, хранящейся там же (№18) — роскошного Евангелия-апракос, предназначавшегося Борисом Годуновым для передачи

Ил. 4. Фрагмент листа греческого Евангелия-апракос, переписанного в Москве Арсением Элассонским (Dublin, Ireland, Chester Beatty Library W 143.5.3)

Есть священномученик Феодот и на одной из дробниц так называемой жемчужной пелены «Крест на Голгофе» из Троице-Сергиевой лавры (вклад царя Бориса 1599 г.), где присутствуют и все остальные покровители членов семьи Годунова [Николаева 1968: 150–151, 153; Балдин, Манушина, 1996: 383, ил. 320, 321]. Святой, именуемый *священномученик Феодот*, был, судя по описи 1641 г., и на несохранившейся золотой панагии, подвешенной к венцам оклада на рублевской «Троице» (вклад Федора Борисовича), здесь он был изображен вместе со св. Феодором Стратилатом³⁶. Еще в одном документе XVII в., в Описных

в церковь Воскресения в Иерусалиме. В этом втором кодексе № 18 имеется вкладная запись на двух языках, сделанная от имени Бориса и его сына Федора [Фонкич 1977: 54–56, № 7; Idem 2003: 49–50].

³⁶ В этой самой ранней рукописной описи ризницы Троице-Сергиева монастыря 1641 г. святые на панагии, вне всякого сомнения, называются *Феодор* и *Феодот* («Понагея золота, а в ней в гнездох камень яшма, на камени вырезан святой мученик Георгий [...] назади у понагеи святьи мученик Феодор Стратилать да священномученик Феодотъ [...] приклад царевича

книгах старицкого Успенского монастыря, упомянута икона: «предстоящие страстотерпцы Борисъ и Глѣбъ да Феодоръ стратилать, да мученикъ Феодотъ, да преподобная Марія и Ксенія» [Историческая библиотека 1879: 33].

Кто же из свв. Феодотов — Анкирский или Киринейский — представлен на этих — не содержащих дополнительных помет — артефактах?

Казалось бы, многое здесь могла бы подсказать иконография, тем более что при обращении к житиям св. Феодота Анкирского и св. Феодота Киринейского трудно не заметить явного контраста, как будто бы заставляющего говорить о различных типах святости. В самом деле, св. Феодот Киринейский был священнослужителем, епископом на Кипре, тогда как св. Феодот Анкирский — содержателем корчмы, которая служила убежищем для гонимых христиан. Можно было бы заключить, таким образом, что только одному из них — Феодоту Киринейскому — приличествуют эпитет «священномученик» и изображение в святительских одеждах с Евангелием в руках, а, соответственно, всякая икона или иной артефакт, где св. Феодот фигурирует с подобными атрибутами, именно к Феодоту Киринейскому нас и отсылает. Именно такой путь рассуждения избирает целый ряд исследователей, так или иначе затрагивающих проблему атрибуции артефактов, связанных с семьей Бориса Годунова³⁷, однако они не учитывают, как кажется, одно весьма важное обстоятельство.

Федора Борисовича») (Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник, инв. № 289, л. 7–7об.). Однако в 20-е годы XX столетия, копируя эту рукопись для печати, С. Н. Дурьлин, Ю. А. и М. Ю. Олсуфьев допустили опisku, в результате которой в их копии вместо имени *Феодот* на л. 7–7а было еще раз указано имя *Федор* («...святый мученикъ Феодоръ Стратилать да священномученикъ Феодоръ») (Рукописная копия. Фонд 173.П. Дополнительное собрание библиотеки МДА /М 7397/). Как мы увидим ниже, ошибки подобного рода были свойственны отнюдь не только исследователям Нового времени, однако в данном случае она сослужила дурную службу истории культа царских святых: позднейшие исследования разделились на два русла. Одни авторы, обращавшиеся непосредственно к оригинальной рукописи, говорили в связи с интересующим нас артефактом о свв. Феодоре и Феодоте [Балдин, Манушина 1996: 486, примеч. 38], тогда как другие, прибегавшие к копии Олсуфьевых и Дурьлина, воспроизводили их ошибку и говорили о двух Федорах — Феодоре Стратилате и некоем священномученике Феодоре [Спирина 1981: 460; Воронцова 2006: 178; Спирина 2008: 20; Маханько 2019]. Л. М. Спирина [1981] полагала, например, что то был священномученик Феодор Анкирский, благо такой святой и в самом деле присутствует в месяцеслове (возможно, исследовательница дополнительно опиралась при этом на историческое описание Новодевичьего монастыря И. Ф. Токмакова [1885: 54], где именно св. Феодор Анкирский ошибочно назван среди покровителей, тезоименитых семейству Годунова — ср. в этой связи: [Мартынова 1999: 333, примеч. 4]). Повторимся, однако, что в рукописи XVII в. в соответствующем месте значится отнюдь не *Феодор*, а *Феодот* (за уточнение относительно этого фрагмента Описи 1641 г. авторы сердечно благодарят С. В. Николаеву).

³⁷ См., например: [Трубачева 1990; Абраменко 2012: 203–206].

Уже на уровне служебных текстов, как греческих, так и славянских, происходит некое сложное смешение, отмеченное еще архиепископом Сергием (Спасским): в минеях и в прологе Феодот Анкирский именуется, подобно святителям, «священномучеником», и тропарь ему составлен по священномученическому канону [Сергий Спасский, 3: 186, 212]. Как указывается в заметках к «Полному месяцеслову Востока», некий риторический образ, провоцирующий именно такую форму прославления, содержится в самом тексте проложного Жития Феодота Анкирского, ибо там говорится, что он был учитель веры и благочестия, а корчемница его была храмом молитвенным и алтарем для иереев Божиих [Ibid.: 212].

Иначе говоря, то, что в житии являлось скорее частью метафоры, в последующих текстах трансформируется в устойчивую характеристику. Насколько эта характеристика закрепилась в традиции, свидетельствует, в частности, подлинная грамота патриарха Иова 1599 г. на постройку связанной с Годуновыми надвратной церкви Феодота Анкирского: патриарх без тени сомнения именуется его *священномучеником*:

...воздвигнути новой каменной храмъ, во имя святаго священномученика Феодота Анкирскаго, да на тотъ храмъ и онтимись дати и освящати [Рождественский 1866: 23, 127, № 3/22]³⁸.

Закономерным образом эпитет вызывает к жизни и соответствующие изображения: благочестивый корчемник предстает в иерейском облачении. Более того, именно этот иконографический тип и является господствующим в изображении Феодота Анкирского на Руси XVI–XVII вв.

Соответственно, видя перед собою икону с надписью «священномученик Феодот» и фигурой святителя в пастырских одеждах с Евангелием в руке, мы не можем знать, кто перед нами — Феодот Киринейский или Феодот Анкирский, а на подавляющем числе таких изображений годуновского круга, где фигура святого подписана более пространно, он назван именно Феодотом Анкирским. Собственно говоря, на всех перечисленных выше предметах, содержащих уточнение *Анкирский*, мы неизменно имеем дело с иконографическим образом священномученика: святительское облачение, Евангелие, благословляющий жест — все эти атрибуты присутствуют здесь в различных комбинациях. Таким образом, у нас есть все основания полагать, что именно Феодот Анкирский изображен и на тех артефактах, где его имя не снабжено уточняющей пометой.

³⁸ В серпуховском Владычном монастыре, где была возведена эта надвратная церковь, имелась также икона священномученика Феодота, который представлен в святительском облачении с Евангелием в руках. В описании начала XX в. он уверенно определяется как Феодот Анкирский [Тренин 1902: 24–25, табл. III, № 4].

ДА СЕ АКИРИНСКИ

Ил. 6. Прорись подписи на иконе из Псковского музея⁴¹

Совершенно очевидно, что знаменщики, выполнявшие надписи на иконах, оказались здесь в плену некой путаницы, да не между двумя, а сразу между четырьмя святыми, присутствующими в православных месяцесловах. Дело в том, что в святцах есть не только свв. Феодот Анкирский и Феодот Киринейский, но и свв. Феодор Анкирский и Феодор Киринейский. Дополнительная сложность заключается еще и в том, что вместе с епископом Феодором Анкирским, празднование которому приходится на 3 ноября, отмечается и память его сомучеников Дасия, Севира, Андрона, Феодота и Феодоты, а в один день со священномучеником Феодором Киринейским (4 июля) в некоторых месяцесловах обнаруживается память мучеников Феодота и Феодотии, пострадавших при Траяне⁴² [Сергий Спасский, II: 199–200, 343].

Как мы знаем, подобная календарная близость в русской коммеморативной традиции нередко провоцирует смешение эпитетов и атрибутов даже и у святых с несходными именами. Перекрестное же смешение Феодоров и Феодотов, часть из которых более известны, а другие — более раритетны, выглядит в этой ситуации, переплетающей имена и даты, почти неизбежной. Иначе говоря, знаменщику было чрезвычайно легко запутаться среди двух мучеников анкирских и двух мучеников киринейских, именовавшихся *Феодорами* и *Феодотами*, тем более что каждый из них обыкновенно изображался как священномученик.

Причудливые пути, по которым может осуществляться подобное смешение, очень интересны сами по себе и способны многое поведать о культе святых на Руси на рубеже XVI–XVII вв. Очевидно, однако, что результат этой путаницы — эпитет «Киринейский» на одной-единственной годуновской иконе возле имени, которое можно прочесть и как *Феодор*, и как *Феодот*, — никак не может служить решающим аргументом в вопросе о том, кто из свв. Феодотов почитался в царской семье. Во всяком случае, эти противоречивые и неопределенные данные никак не перевешивают свидетельств достаточно многочисленных икон и других артефактов, прямо связанных с Годуновыми, где имеется

⁴¹ Обе прориси выполнены С. М. Михеевым, которому авторы приносят свою глубокую благодарность.

⁴² В других же календарных источниках эта память отнесена на 3 июля, т. е. на дату, непосредственно предшествующую памяти св. Феодора Киринейского.

недвусмысленное указание на Феодота Анкирского. Иначе говоря, именно этот святой, чья память празднуется 7 ноября, 18 мая и 7 июня, был личным небесным покровителем одного из членов царской семьи.

Кому из Годуновых покровительствовал Феодот Анкирский?

До сих пор все исследователи исходили из одной-единственной возможности и полагали, что св. Феодот — раз уж он присутствует на семейных иконах и артефактах — непременно должен был быть патроном самого царя Бориса. Какое место имя *Феодот* могло бы в таком случае занимать в антропонимическом досье царя? Как было показано выше, ни крестильным, ни публичным оно не являлось — обе эти функции выполняло имя *Борис*; не было оно и монашеским, потому что в иночестве царь, как мы помним, сделался *Боголепом*. На его долю оставалась только роль пресловутого «благочестивого придатка», особым образом маркирующего день появления будущего царя на свет⁴³. Полностью исключить эту версию мы не можем, однако и предпочтение отдавать ей не склонны.

В самом деле, насколько можно судить по дошедшим до нас сведениям, такой обычай, когда ребенка не крестили по дню рождения, но все же сохраняли для него выпавшее по календарю именование в качестве дополнительного, в XVI в. практиковался только в правящем доме московских Рюриковичей, к которому Годунов по рождению, разумеется, не принадлежал. Конечно, можно допустить, что Борис попросту подражал своим предшественникам на троне и задним числом ввел в свой личный благочестивый обиход Феодота Анкирского как святого, на день памяти которого он появился на свет. Но и это предположение выглядит не вполне надежным.

Здесь следует принять в расчет календарные соображения: Борис, по всей видимости, праздновал именины 24 июля (память Бориса и Глеба)⁴⁴, а все дни поминовения св. Феодота Анкирского отстоят от этой даты довольно далеко. Нужны какие-то специальные основания, чтобы ребенка, родившегося, например, 7 июня, 18 мая или 7 ноября, крестили *Борисом*, тем более что родовым и частотным у Годуновых это имя отнюдь не было. Кроме того, носители крестильного имени *Борис* в миру как правило не нуждались еще в одном святом тезке, поскольку им уже был обеспечен патронат двух святых братьев, Бориса и Глеба, что и отражено на множестве артефактов годуновского времени.

Все эти препятствия — неопределенность функционального статуса, отсутствие календарной связности, специфика имени *Борис* в русском антропонимическом обиходе — полностью исчезнут, если мы обратимся

⁴³ Такую возможность допускала, например, М. В. Мартынова [1999: 333, примеч. 6].

⁴⁴ См. примеч. 19 на с. 199.

к иной возможности и предположим, что под непосредственным патронатом Феодота Анкирского находился не царь Борис, а его сын Федор. Действительно, обращаясь к антропонимическому досью царевича, нетрудно убедиться, что *Федором* он был наречен в честь Феодора Стратилата. Такое именование замечательно подходило ему сразу по двум линиям преемственности: собственно семейной и властно-элитарной. *Федором* был его родной дед по отцу, скончавшийся за много лет до появления внука на свет⁴⁵, и, с другой стороны, по Феодору Стратилату, как известно, был наречен царь Федор Иванович⁴⁶, супруг родной тетки мальчика, тот самодержец, преемником которого суждено было сделаться его отцу.

При этом трудно не заметить, что одно из празднований Феодоту Анкирскому, 7 июня, приходится прямо на канун летнего празднования Феодору Стратилату — именно в этот день, 8 июня, царь Федор Иванович отмечал свои именины⁴⁷. Роль такого рода канунов при выборе христианского имени для ребенка на Руси трудно переоценить, в частности, они дают богатейшую почву для наречения двумя календарными именами сразу. Так, родившийся 21 марта получает крестильное имя *Иаков* (в честь Иакова Исповедника, чья память отмечается в этот день) и публичное имя *Василий* (по Василию Анкирскому — 22 марта), те, кто становился в крещении *Иакинфами* (по св. Иакинфу Кесарийскому, 3 июля), в публичной жизни легко делались *Андреями*, поскольку 4 июля празднуется память Андрея Критского, а ставшие *Емелианами* по празднованию св. Емелиану Тревильскому (18 августа) получали второе имя *Андрей* по Андрею Стратилату (19 августа). В результате более популярное и расхожее имя очень часто образует своеобразную антропонимическую пару с именем святого, чья память отмечается в предшествующий или последующий день. Это происходило, судя по всему, и с именами *Феодот* и *Федор*: их оба носили, например, тесть Ивана Грозного Федор / Феодот Федорович Нагой⁴⁸, дьяк XVII в. Федор /

⁴⁵ В этой перспективе весьма характерно, что *Федором* был наречен и первенец Бориса Годунова, который, судя по надписи на надгробной плите из костромского Ипатьевского монастыря, скончался во младенчестве в 1572 г. [Панова 2019: 50].

⁴⁶ См. подробнее: [Литвина, Успенский 2019а: 62–63].

⁴⁷ В частности, дата 8 июня названа именинами царя во Вкладной книге костромского Ипатьевского монастыря ([Книга вкладная 1728: л. 3]; ср. также: [Бурдина 2010: 255]) и в других источниках такого же типа ([Кириченко, Николаева 2008: 219 (л. 225); Левицкая 1994: 125]; ср.: [Сахаров 1851: 80, 89]). В. Н. Козляков [2007: 61] приводит документ, согласно которому боярин Дмитрий Шуйский присутствовал на царских именинах («государев ангел»), но в качестве даты здесь ошибочно указывается 8 июля.

⁴⁸ См. так называемый Ермоловский родословец XVII в.: «А у Феодора Михайловича Нагова дети Семен да Феодор, а прозвище Феодот» [Мятлев 1915: 317, Прилож. II].

Феодот Грибоедов⁴⁹, и, по всей видимости, живший в первой половине XVI столетия Федор / Феодот Поп Сабуров⁵⁰.

Таким образом, вполне естественно допустить, что сын Бориса Годунова появился на свет 7 июня⁵¹ и Феодот Анкирский стал его «святым дня рождения», а имя *Федор* (и патронат Феодора Стратилата) идеально подошло ему как по календарным, так и по всевозможным семейным соображениям.

В пользу данного предположения свидетельствуют, как кажется, и композиционные особенности тех годуновских артефактов, на которых присутствуют все святые покровители этой семьи. В самом деле, всюду, где появляются парные изображения (двое святых на одной дробнице, в одном медальоне и т. п.), св. Феодот Анкирский непременно соседствует именно со св. Феодором Стратилатом. Такое сочетание мы можем наблюдать, например, на окладе иконы «Богоматерь Смоленская» (см. *ил. 1*), на дробнице с золотого оклада иконы «Троица» из костромского Ипатьевского монастыря, на одной из дробниц с сударя из Троице-Сергиевой

⁴⁹ Ср. [У-й 1863: 4–5, примеч. 4].

⁵⁰ О Сабурове ср.: [Маштафаров 2014: 18, примеч. 45].

⁵¹ Точная дата рождения царевича в источниках, как известно, отсутствует. М. Д. Хмыров предполагал, что Федор Борисович родился до июня 1589 г. Единственное основание для такой гипотезы — грамота цареградского патриарха Иеремии, датируемая, по утверждению историка, 2-м июня 1589 г., где иерарх пишет царю следующее: «Пресветлейшему славному и тихомирному государю и великому господину Борису Федоровичу о Святем Дусе сыну нашего смирения благодать тебе государю и мир и милость от Бога Вседержителя со всем твоим преблагословенным домом и со возлюбленными твоими чады, и им Божия благодать...» ([ДРВ, 12: 341–342]; русский перевод греческой грамоты, подлинник которой, по-видимому, не сохранился, переиздан в составе 3-й греческой Посольской книги (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Пк № 3) [Лукичев, Рогожин 1988: 57–58]). «Стало быть», приходит к выводу М. Д. Хмыров [1863: 5–6], «в июне 1589 г. у Бориса было уже не одно чадо, и Федор Борисович родился ранее этого месяца» Такая аргументация представляется нам заведомо недостаточной, поскольку *pluralis* при упоминании чад и/или домочадцев — это чаще формула, нежели констатация фактического числа родных детей. Не вполне ясны и хронологические координаты этого документа: указание на год здесь отсутствует, а внутри самого текста встречается иная дата — 4-е (а не 2-е!) июня: «... да которая грамоты пошлю отселе в честныя твои руки, и ты прикажи воеводам Смоленским и Черниговским, которыя и впредь грамоты и людей своих пошлю, и они бы отсылали тебе государю, да извещав тебе месяца июня в 4 день, в середу в пятом часу Божиею милостию и здравием тихомирна и свята царя нашего Федора Ивановича и благоверныя царицы Ирины в Смоленску тут нам отдали царские люди Григорий да Семен и Василий и всякие запасы сполна...» [ДРВ, 12: 342; Лукичев, Рогожин 1988: 58 (л. 71)]. Однако даже если следовать логике Хмырова и исходить из того, что патриарх, с одной стороны, был очень хорошо осведомлен о семейной ситуации Годунова, и с другой — имел намерение это знание подчеркнуть, то такое благопожелание весьма актуально для семейной пары, где на днях супруга должна разрешиться от бремени. О составе семьи Бориса Годунова и о его детях, скончавшихся в младенчестве, см. также: [Панова 2019].

лавры⁵², а также, судя по Описи 1641 г. (см. примеч. 36 на с. 209–210), на одной из золотых панагий (медальонов), приложенных Федором Борисовичем к иконе «Троица» Андрея Рублева. Обыкновенно совместное изображение святых, никак не связанных между собой агиографически, на личных или семейных вкладыях обусловлено тем, что они являются небесными покровителями-тезками одного и того же лица.

Коль скоро же святые на том или ином годуновском вкладе представлены по одному, свв. Феодор Стратилат и Феодот Анкирский, как правило, соседствуют друг с другом, нередко соотносясь тем или иным способом с изображением прп. Ксении, или, формулируя несколько иначе, святые покровители родителей (свв. Борис, Глеб и Мария Магдалина) составляют одну группу, а патроны детей — другую. Разумеется, подобные наблюдения над композицией куда менее бесспорны (очевидно, что взаиморасположение относительно небольшой группы святых зачастую может прочитываться по-разному), однако в иных случаях и они могут быть довольно определенны и выразительны.

В такой перспективе очень интересен надгробный покров царевича Федора Борисовича, изготовленный попечением его единственной сестры Ксении. Здесь несколько десятков дробниц с одиночными изображениями святых выложены в форме голгофского креста⁵³. В самом основании креста находится дробница со св. Феодотом Анкирским, на соседней же дробнице мы видим Феодора Стратилата, относительно близко — Ксению Римлянку (их разделяют дробницы со св. Кириллом и апостолом Филиппом) (см. *ил.* 7 и №№ 26, 27, 28, 29, 30 в Приложении).

Изображения же свв. Бориса, Глеба и Марии Магдалины находятся на значительном удалении — Борис и Глеб расположены в самой верхней части креста, обрамляя с двух сторон дробницу с фигурой Богоматери (см. Приложение, №№ 2, 4). Дробница со св. Марией Магдалиной находится лишь немногим ниже, непосредственно под пересечением с верхней планкой креста (см. Приложение, № 13)⁵⁴. Подобная комбинация дробниц достаточно определенно, на наш взгляд, подталкивает к выводу, что св. Феодота Анкирского (как и Феодора Стратилата) следует считать личным небесным заступником скончавшегося царевича Федора, небесными же патронами его отца — святых братьев Бориса и Глеба.

Еще более в предположении о патронате св. Феодота нас укрепляет источник неиконографического характера, также восходящий, по-видимому, к тому временному отрезку, когда ни царя Бориса, ни его жены,

⁵² См.: [Борис Годунов 2015: 318–319, № 131, автор описания Г. П. Черкашина].

⁵³ Схему расположения дробниц на покрове см. в Приложении к настоящей статье.

⁵⁴ Авторы сердечно благодарят С. Ю. Шокарева за консультацию и помощь в описании надгробного покрова Федора Борисовича.

Ил. 7. Свв. Феодот Анкирский и Феодор Стратилат на дробницах с надгробного покрыва Федора Борисовича (Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник, инв. № 2428)

ни самого Федора Борисовича уже не было на свете, а в живых оставалась лишь царевна Ксения Борисовна. Речь идет о синодике Стефанова Махрищского монастыря, которому в целом свойственна фиксация светской христианской двуименности. Запись о поминовении царской семьи выглядит следующим образом:

Родъ царя Бориса. Царя и великаго князя Бориса во иноцѣхъ Боголѣпа. Царицу и великую княгиню Марію. Царевича князя Феодора. Феодота. Феодора. иноку Сандулю. Младенцевъ: Іоанна. Бориса. Феодора. Матрону. Анастасію. Мины. Василия. Ирины. Григорія... [Леонид Кавелин 1878: 3].

Как мы видим, здесь есть мирское и монашеское имя царя Бориса, имя его жены (*Мария*), имена родителей царя (мирское христианское отца, *Федор*, и иноческое матери — *Сандулия*), целый список царских детей, скончавшихся во младенчестве, и два стоящих рядом и названных напрямую имени царевича — *Федор* и *Феодот*. Это уникальное свидетельство, как кажется, устраняет последние сомнения в том, что св. Феодот Анкирский был покровителем не царя, а его сына.

Достигнутое нами решение, помимо всего прочего, вносит определенные коррективы в сложившуюся датировку нескольких уже упоми-

навшихся в данной работе икон⁵⁵. В самом деле, до сих пор, руководствуясь убеждением, что св. Феодот это патрон Бориса, а единственный покровитель царевича — Феодор Стратилат, исследователи полагали, что отдельные семейные иконы Годунова, где Стратилата нет, написаны до того, как Федор Борисович появился на свет, т. е. до 1589 г. [Трубачева 1990: 15]. Однако поскольку священномученик Феодот или его, так сказать, условный заместитель (святой, именуемый «Феодор Анкирский», или «Федо(т/р?) Киринейский», см. *ил. 5, 6*) в таких композициях присутствует, мы, по всей видимости, имеем дело с вполне возможной в XVI–XVII столетии практикой, когда на патрональной иконе или вкладном артефакте изображается лишь один из двух небесных заступников того или иного лица. В некоторых других случаях в качестве покровителя царевича может появиться только Феодор Стратилат⁵⁶, хотя, повторимся, куда более типичной является ситуация, когда на годуновских вкладах фигурируют оба его святых.

Следует ли полагать, что *Феодот* было крестильным именем Федора Борисовича? Как кажется, тот факт, что изображение Феодота Анкирского было помещено в самое основание Голгофского креста на надгробном покрове царевича, может повлечь за собой именно такой вывод. Или Борис Годунов, который к моменту рождения этого сына де факто управлял страной и был шурином государя Федора Ивановича, решил во всем подражать последним Рюриковичам на престоле и дал тому в крещении родовое имя *Федор*, а *Феодот* оставил в качестве благочестивого дополнения? Решить этот вопрос однозначно мы едва ли сможем — слишком мало антропонимических данных сохранилось о сыне Годунова, который не пробыл на престоле и трех месяцев и не смог в качестве самодержца укрепить культ своих патрональных святых. Так или иначе, повторимся, Федор Борисович — куда более надежный кандидат на наречение во имя Феодота Анкирского в семье Годуновых, нежели его отец Борис.

Итак, наиболее обоснованным нам представляется такой антропонимический сценарий, согласно которому у Бориса Годунова в миру был лишь один святой тезка и два небесных заступника — Борис и Глеб, но зато два имени и, соответственно, два небесных тезки было у его сына Федора Борисовича — Феодор Стратилат и Феодот Анкирский.

---

⁵⁵ Речь идет об иконах из Антониева монастыря, Псковского музея и иконе из частного собрания, которая приписывается Прокопию Чирину (*ил. 3*). См. о них выше, с. 207–208, 212.

⁵⁶ Ср., например: [Зюзева 2019: 114–116].

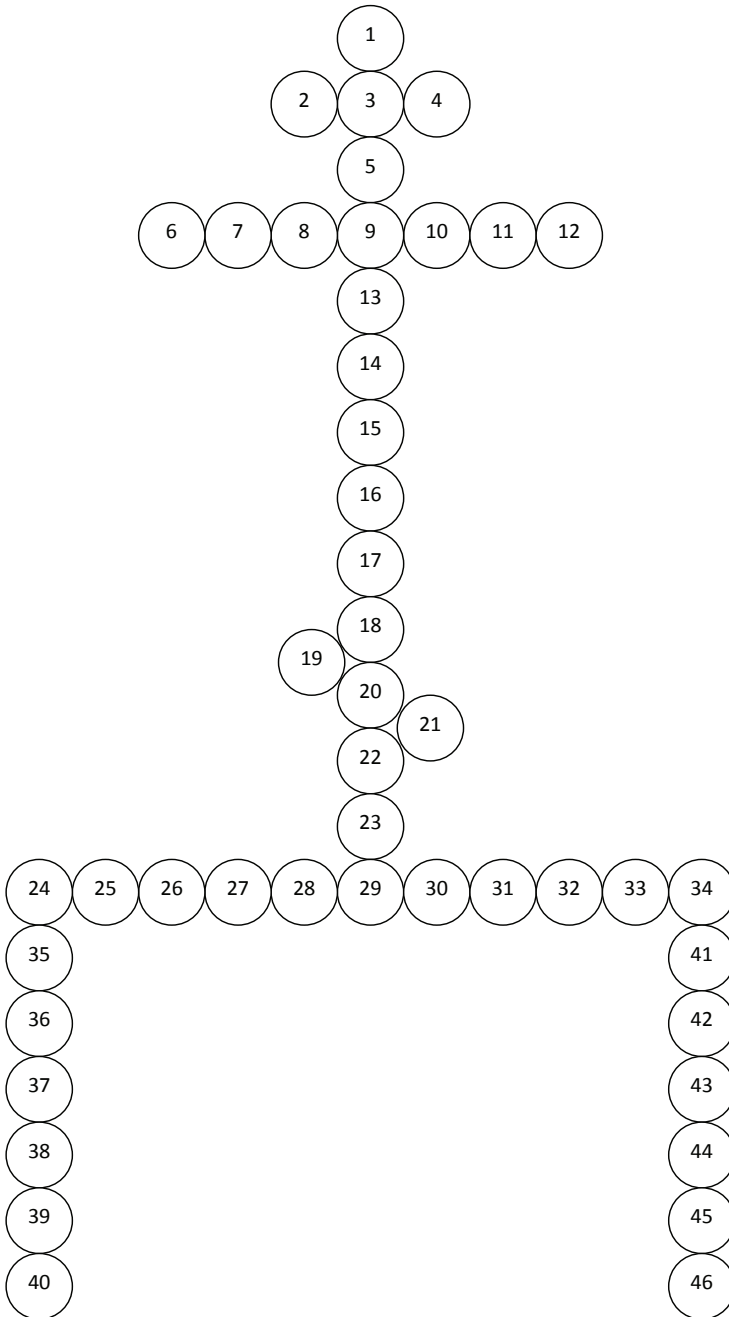

Надгробный покров Федора Борисовича
(Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-
заповедник, инв. № 2428)

⁵⁷ Фотография надгробного покрыва и схема расположения дробниц на нем любезно выполнены по нашей просьбе С. Ю. Шокаревым.

Схема расположения дробниц на надгробном покрове Федора Борисовича

1. Св. Троица
2. Св. князь Борис
3. Богоматерь с младенцем. Оранта
4. Св. князь Глеб
5. Св. Иоанн Златоуст
6. Апостол Петр
7. Архангел Гавриил
8. Богоматерь
9. Иисус Христос
10. Иоанн Предтеча
11. Архангел Гавриил
12. Апостол Павел
13. Св. Мария Магдалина
14. Св. Петр царевич
15. Св. Алексей митрополит
16. Св. Иона митрополит
17. Св. Николай
18. Св. князь Владимир Киевский
19. Св. Сергий
20. Св. князь Михаил Черниговский
21. Св. Никон
22. Св. Василий Блаженный
23. Св. Александр Свирский
24. Св. Авраамий Ростовский
25. Преп. Сава (sic!)
26. Преп. Ксения
27. Апостол Филипп
28. Преп. Кирилл
29. Св. Феодот Анкирский
30. Св. Феодор Стратилат
31. Св. Дмитрий Солунский
32. Св. Екатерина
33. Преп. Феодосий
34. Св. Пятница
35. Св. Петр митрополит
36. Преп. Пафнутий
37. Св. Леонтий Ростовский
38. Св. Василий Кесарийский
39. Преп. Антоний
40. Преп. Зосима
41. Муч. Никита
42. Преп. Варлам («Варламе»)
43. Св. Андрей Стратилат
44. Св. Максим Исповедник
45. Ст. муч. Варвара
46. Преп. Савватий

Сокращенные названия древлехранилиц

КГИАХМЗ — Костромской государственный историко-архитектурный художественный музей-заповедник

Библиография

Источники

Рукописи

Книга вкладная 1728

КГИАХМЗ, КОК 24010, № 91, Книга вкладная кто что по обещанию дал вкладу в вечный поминок в дом Живоначальные Троицы в Ыпацкий монастырь, 1728.

Издания

Алексеев 2006

Алексеев А. И., подгот. текста, вступ. ст., сост. коммент. и словаря терминов, Алексеев А. И., Маштафаров А. В., сост. именного указателя, Вкладная и Кормовая книга Московского Симонова монастыря, *Вестник церковной истории*, 3, 2006, 5–184.

— 2010

Алексеев А. И., подгот. текста, вступ. ст., Первая редакция Вкладной книги Кириллова Белоозерского монастыря (1560-е гг.), *Вестник церковной истории*, 3–4 (19–20), 2010, 17–117.

Вахрамеев 1896

Вахрамеев И. А., публ., *Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. 3: Выписи из писцовых и переписных книг. Дополнение: Книга кормовая*, Москва, 1896.

Державина 1951

Державина О. А., подгот. к печати, пер. и коммент., Адрианова-Перетц В. П., ред., *Временник Ивана Тимофеева*, Москва, Ленинград, 1951.

Дионисий 1892

Дионисий, *Можайские акты 1506–1775*, С.-Петербург, 1892.

ДРВ 1–10

Древняя российская вивлиофика... изданная Николаем Новиковым, изд. 2-е, вновь испр., 1–10, Москва, 1788–1791.

Историческая библиотека 1879

Историческая библиотека Тверской епархии, 1, Тверь, 1879.

Кириченко, Николаева 2008

Кириченко Л. А., Николаева С. В., *Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. (Исследования и публикация)*, С. М. Каштанов, отв. ред., Москва, 2008.

Кормовая книга Новоспасского монастыря 1903

Кормовая книга Московского ставропигиального Новоспасского монастыря, Москва, 1903.

Крушельницкая 2005

Крушельницкая Е. В., подгот. текста, пер. и комм., Автобиографическая повесть Мартирия Зеленецкого, *Библиотека литературы Древней Руси*, 13: XVI век, С.-Петербург, 2005, 678–692.

Кушелев-Безбородко, 1–4

Кушелев-Безбородко Г., *Памятники старинной русской литературы*, 1–4, С.-Петербург, 1860–1862.

Левицкая 1994

Левицкая Н. В., Вкладная книга Переславль-Залесского Федоровского монастыря, *История и культура Ростовской земли*, 1993, Ростов, 1994, 122–129.

Леонид Кавелин 1878

Леонид (Кавелин), арх., Махрицкий монастырь. Синодик и вкладная книга, *ЧОИДР*, 1878, 3, 1–37.

Либерзон, 1–2

Либерзон И. З., сост., *Акты социально-экономической истории Севера России XV–XVI вв.*, 1–2: *Акты Соловецкого монастыря, 1479–1571 гг. Акты Соловецкого монастыря, 1572–1584 гг.*, Ленинград, 1988–1990.

Лукичев, Рогожин 1988

Лукичев М. П., Рогожин Н. М., подгот. текста, *Посольская книга по связям России с Грецией (православными иерархами и монастырями)*, Москва, 1988.

Майков 1909

М[айков] В., *Книги Кормовья*, С.-Петербург, 1909.

Маштафаров 2014

Маштафаров А. В., Синодик Коневского Богородицкого Рождественского монастыря XVI в., *Вестник церковной истории*, 3/4 (35/36), 2014, 5–30.

Павлов-Сильванский 1985

Павлов-Сильванский В. Б., подгот. текста и вступ. ст., Корецкий В. И., ред., *Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. Из архива Московского Новодевичьего монастыря*, Москва, 1985.

РИБ, 1–39

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией, 1–39, С.-Петербург (Петроград, Ленинград), 1872–1927.

Рогожин 2004

Рогожин Н. М., отв. ред., вступ. ст., Кадик В. А., подгот. текста, *Боярская книга 1658 года*, Москва, 2004.

Савваитов 1861

Савваитов П. И., Церкви и ризницы Кирилло-Белозерского монастыря (По описным книгам 1668 г.), *Записки Отделения русской и славянской археологии имп. русского Археологического общества*, 2, С.-Петербург, 1861, 126–343.

Сапожникова et al. 2012

Сапожникова С. Д., подгот. текста к изд., Сидаш Т. Г., ст. и коммент., Кожурин К. Я., отв. ред., *Протопоп Иван Неронов: собрание документов эпохи*, С.-Петербург, 2012.

Сахаров 1851

Сахаров И. П., публ., Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря, *Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Археологического общества*, 1, отд. 3, С.-Петербург, 1851, 46–105.

Соколов 1890

Соколов М. И., *Переписные книги Костромского Ипатьевского монастыря 1595 года*, Москва, 1890.

Суворов 1861

Суворов Н. И., Кормовая книга Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря, *Известия императорского Археологического общества*, 3/4, 1861, 301–327.

Титов 1902

Титов А. А., *Синодики XVII века Переславского Горицкого монастыря*, Москва, 1902.

Шаблова 2012

Шаблова Т. И., подгот. текстов и исследование, *Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI–XVII веках. Публикация: Синодичное предисловие; Книга кормовая; Синодик кормовой*, С.-Петербург, 2012.

Исследования

Абраменко 2012

Абраменко Н. М. Образы святых князей Бориса и Глеба в иконописи и прикладном искусстве конца XVI — начала XVII в. Патрональная тема в искусстве времени Бориса Годунова, А. В. Захарова, ред., *Актуальные проблемы теории и истории искусства: Сборник научных статей*, 2, С.-Петербург, 2012, 201–208.

Алпатов, Родникова 1990

Алпатов М. В., вступ. ст., Родникова И. С., вступ. ст., сост., *Псковская икона XIII–XVI веков*, Москва, 1990.

Антонова, Мнева 1–2

Антонова В. И., Мнева Н. Е., *Каталог древнерусской живописи*, 1–2, Москва, 1963.

Балдин, Манушина 1996

Балдин В. И., Манушина Т. Н., *Троице-Сергиева лавра: Архитектурный ансамбль и художественные коллекции древнерусского искусства XIV–XVII вв.*, Москва, 1996.

Баталов 1996

Баталов А. Л., *Московское каменное зодчество конца XVI века: Проблемы художественного мышления эпохи*, Москва, 1996.

Белякова 2013

Белякова Е. В., публ., Сказание об именах из Кормчей Кирилло-Белозерской редакции, *Slověne*, 2/2, 2013, 184–198.

Борис Годунов... 2015

Борис Годунов: От слуги до государя всея Руси: Каталог, И. А. Бобровницкая, О. А. Цицинова, сост., Москва, 2015.

Бурдина 2010

Бурдина Л. В., Синодики и Вкладная книга Ипатьевского монастыря, *Светочь*, 6, 2010, 251–260.

Бычков 1897

Бычков И. А., *Каталог собрания рукописей Ф. И. Буслаева*, С.-Петербург, 1897.

Васильева 2012

Васильева О. А., *Иконы Пскова, 2: Каталог: вторая половина XVI–XVIII в.*, изд. 3-е, испр. и доп., Москва, 2012.

Воронцова 2006

Воронцова Л. М., Геммы оклада иконы «Троица» письма Андрея Рублева, Т. Н. Манушина, сост. и отв. ред., *Сергиево-Посадский музей-заповедник: Сообщения 2005*, Москва, 2006, 175–199.

Георгиевский 1914

Георгиевский В. [Т.], Древнерусское шитье в ризнице Троице-Сергиевой лавры, *Светильник: Религиозное искусство в прошлом и настоящем*, 11–12, 1914, 3–26.

Гнutowa 2018

Гнutowa С. В., автор-сост., *Реликвия рода Годуновых: Складень-кузов с избранными праздниками и святыми: Каталог выставки*, Москва, 2018.

Гордиенко 1984

Гордиенко Э. А., Большой иконостас Софийского собора (по письменным источникам), Б. Д. Греков, отв. ред., *Новгородский исторический сборник*, 2 (12), Ленинград, 1984, 211–229.

Зюзева 2016

Зюзева С. Г., Золотой оклад иконы «Троица» конца XVI века: Иконографические и стилистические особенности лицевых изображений, *Московский Кремль в государственной жизни России: Четыре столетия истории*, (= Музеи московского Кремля: Материалы и исследования, 27), Москва, 2016, 64–80.

— 2019

Зюзева С. Г., Оклад иконы «Богоматерь Знамение». История создания и проблемы атрибуции, *Московский Кремль в XVII в. Древние святыни и исторические памятники: Сборник статей в 2 книгах*, 2, Москва, 2019, 111–120.

Карамзин, 1–12

Карамзин Н. М., *История государства российского*, 1–12, изд. 5-е., С.-Петербург, 1842–1843 [репр. с приложением «Ключа, или Алфавитного указателя, составленного П. М. Строевым», Москва, 1988.]

Козляков 2007

Козляков В. [Н.], *Василий Шуйский*, Москва, 2007.

— 2017

Козляков В. [Н.], *Борис Годунов: Трагедия о добром царе*, 2-е изд., Москва, 2017.

Леонид Кавелин, 1–2

Леонид (Кавелин), арх., *Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища св. Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной*

- семинарии в 1747 году (ныне находящиеся в библиотеке Московской духовной академии)*, 1–2, Москва, 1887.
- 1879
Леонид (Кавелин), Приложения к Историческому описанию Свято-Троицкия Сергиевы лавры, Горский А. В., *Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы лавры, составленное по рукописным и печатным источникам в 1841 г. с приложениями архимандрита Леонида* (= ЧОИДР, 1879, 2), Москва, 1879.
- Литвина, Успенский 2006
Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики*, Москва, 2006.
- 2018
Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., Монашеское имя и феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси, А. А. Горский, отв. ред., *Средневековая Русь*, 13, Москва, 2018, 241–280.
- 2019
Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., Христианская двуименность в правящей династии на Руси: Этапы эволюции, *Die Welt der Slaven*, 64/1, 2019, 108–127.
- 2019a
Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., К уточнению имен и дат в семье царя Федора Ивановича, *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*, 1 (75), 2019, 61–66.
- 2019б
Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., Особенности почитания соименных святых на Руси XVI–XVII вв., *Вопросы ономастики*, 16/3, 2019, 9–29.
- 2020
Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., «*Се яз раб Божий...*» Многоименность как фактор и факт древнерусской культуры, С.-Петербург, 2020.
- 2020a
Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., Из истории вкладов княжеских семей Татевых и Ногтевых («Богоматерь Владимирская» и «Спас Вседержитель»), *Сборник статей и публикаций, посвященный Андрею Алексеевичу Булычеву. На 60-летие со дня рождения и 35-летие начала научной деятельности*, Москва, 2020, 144–152.
- Лосева 2001
Лосева О. В., *Русские месяцесловы XI–XIV веков*, Москва, 2001.
- Макарий Веретенников 2018
Макарий (Веретенников), арх., Первый патриарх Иов и его время, *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии*, 1 (21), 2019, 11–170, DOI: 10.24411/2224-5391-2018-10101.
- Маргвелашвили 1967
Маргвелашвили В., Второе отчество М. Ю. Лермонтова, *Смена*, 11 (961), июнь, 1967, 23.
- Мартынова 1999
Мартынова М. В., Оклад иконы «Богоматерь Смоленская» и черневая гравюра XVI в., *Благовещенский собор Московского Кремля: Материалы и исследования*, Москва, 1999, 318–335.
- Маханько 2019
Маханько М. А., Наперсная панagia Константинопольского патриарха Иеремии II московской работы: несохранившаяся инсигния от эпохи учреждения в России патриаршества, *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, 10/3 (77) (= *Византия – Христианский Восток – Россия: проблемы истории и культуры*), 2019 (<https://history.jes.su/issue.2019.1.3.3-77/>; последнее обращение 11.05.2020).

Маясова 1966

Маясова Н. А., Литературный образ Ксении Годуновой и приписываемые ей произведения шитья (К вопросу о взаимоотношении литературы, искусства и действительности), *Взаимодействие литературы и изобразительного искусства в Древней Руси* (= Труды отдела древнерусской литературы, 22), Москва, Ленинград, 1966, 294–310.

— 1984

Маясова Н. А., «Светлицы» в доме боярина Дмитрия Ивановича Годунова, *Произведения русского и зарубежного искусства XVI – начала XVIII века: Материалы и исследования*, Москва, 1984, 32–56.

Мятлев 1915

Мятлев Н., К родословию князей Мстиславских, *Сборник статей, посвященных Л. М. Савелову*, Москва, 1915, 300–317.

Николаева 1968

Николаева Т. В., *Собрание древнерусского искусства в Загорском музее*, Ленинград, 1968.

Панова 2019

Панова Т. Д., Состав семьи царя Бориса Годунова. По письменным источникам и археологическим данным, *Московский Кремль в XVII в. Древние святыни и исторические памятники: Сборник статей в 2 книгах*, 1, Москва, 2019, 47–54.

Платонов 1888

Платонов С. Ф., *Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник*. С.-Петербург, 1888.

Полевой 1888

Полевой П. [Н.], [Рец.:] С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник, *Исторический вестник: Историко-литературный журнал*, 34, 1888, 485–492.

Понырко 1992

Понырко Н. В., Боголеп (в миру Борис Васильевич Львов), *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 3/1, С.-Петербург, 1992, 140–141.

Рождественский 1866

Рождественский В. А., *Историческое описание Серпуховского владычного общежительного девичьего монастыря*, Москва, 1866.

Романова, Андроник Трубачев 2002

Романова А. А., Андроник (Трубачев) игум., Боголеп Черноярский (Ушаков Борис Яковлевич), *Православная энциклопедия*, 5, Москва, 2002, 455–456.

Святы 2010

Святыя земли русской, С.-Петербург, 2010.

Сергий Спасский, 1–3

Сергий (Спасский), арх., *Полный месяцеслов Востока*, 1–3, Владимир, 1901.

Снегирев 1843

Снегирев И. [М.], *Новоспасский монастырь*, Москва, 1843.

Спирина 1981

Спирина Л. М., Неизвестные произведения искусства и исторические документы, связанные с погребальным комплексом Годуновых, *Памятники культуры. Новые открытия: Письменность, искусство, археология. Ежегодник, 1980*, Ленинград, 1981, 455–464.

— 2008

Спирина Л. М., *Царская усыпальница Годуновых на территории Троице-Сергиевой лавры, Сергиев Посад*, 2008.

Токмаков 1885

Токмаков И. Ф., *Историческое описание Московского Новодевичьего монастыря*, Москва, 1885. [Значительно переработанное и дополненное переиздание труда И. М. Снегирева «Новодевичий монастырь в Москве», Москва, 1857.]

Тренев 1902

Тренев Д. К., *Иконостас Смоленского собора московского Новодевичьего монастыря: Образцовый русский иконостас XVI–XVII веков, с прибавлением краткой истории иконостаса с древнейших времен*. [Б. м.], 1902.

Трубачева 1990

Трубачева М. С., Патрональная икона семьи Бориса Годунова, *Реставрация и исследование темперной живописи и деревянной скульптуры*, Москва, 1990, 13–21.

Тупиков 1903

Тупиков Н. М., *Словарь древнерусских личных собственных имен*, С.-Петербург, 1903.

У-й 1863

У-й В. [В. Успенский?], Краткое описание бывшего Преображенского женского монастыря, что на Рогоже, иначе называвшегося Пелагеиною пустынью, с приложением относящихся к нему древних грамот, памятей и указов, *Памятная книжка Тверской губернии на 1863 г.*, 3, Тверь, 1863, 1–71.

Ульяновский 2006

Ульяновский В., *Смутное время*, Москва, 2006.

Усачев 2005

Усачев А. С., Степенная книга и памятники русской средневековой лексикографии, *Лествица: Материалы научной конференции по проблемам источниковедения и историографии памяти проф. В. П. Макарихина, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 22 мая 2003 г.*, Нижний Новгород, 2005, 248–258.

Успенский 1969

Успенский Б. А., *Из истории русских канонических имен (История ударения в канонических именах собственных в их отношении к русским литературным и разговорным формам)*, Москва, 1969.

Фонкич 1977

Фонкич Б. Л., *Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв.*, Москва, 1977.

——— 2003

Фонкич Б. Л., *Греческие рукописи и документы в России в XIV – начале XVIII вв.*, Москва, 2003.

Харузин 1899

Харузин Н. Н., К вопросу об употреблении некалендарных имен в допетровской Руси, *Сборник историко-филологического общества при институте князя Безбородко в Нежине*, 2, Нежин, 1899, 150–171.

Хмыров 1863

Хмыров М. Д., *Федор Борисович Годунов (1589–1605): Историко-биографический очерк*, С.-Петербург, 1863.

Icons 1991

Sotheby's: Icons, Russian Pictures and Works of Art: London, Thursday 28th November 1991, London, 1991.

References

- Abramenko N. M., Images of the Russian Saints Princes Boris and Gleb in the Art of the Period of the Tsar Boris Godunov. Tradition of the Veneration of the Tutelar Saints of Russian Tsars, A. V. Zakharova, ed., *Actual Problems of Theory and History of Art. Collection of Articles*, 2, 2012, 201–208.
- Alekseev A. I., Mashtafarov A. V., eds., Vkladnaia i Kormovaia kniga Moskovskogo Simonova monastyria, *Vestnik tserkovnoi istorii*, 3, 2006, 5–184.
- Alekseev A. I., The First Recension of the Book of Donations (Vkladnaia kniga) of Kirillov Belozersky Monastery, *Vestnik tserkovnoi istorii*, 3–4 (19–20), 2010, 17–117.
- Alpatov M. V., Rodnikova I. S., (eds.), *Pskov icon of the 13th–16th centuries*, Leningrad, 1990.
- Antonova V. I., Mneva N. E. *Katalog drevnerusskoi zhivopisi*. 1–2, Moscow, 1963.
- Baldin V. I., Manushina T. N., *The Trinity-Saint Sergius Lavra: The Architectural Ensemble and Old Russian Art Collections 14th–17th Centuries*, Moscow, 1996.
- Batalov A. L., *Moskovskoe kamennoe zodchestvo kontsa XVI veka: Problemy khudozhestvennogo myshleniia epokhi*, Moscow, 1996.
- Belyakova E. V., The Treatise on Names from the Nomocanon (Kormchaia) of the Kirillo-Belozersk Redaction, *Slověne. International Journal of Slavic Studies*, 2 (2), 2013, 184–198.
- Bobrovnikskaya I. A., Tsitsinova O. A., eds., *Boris Godunov. From a Courtier to The Sovereign of All Russia. Exhibition book*, Moscow, 2015.
- Burdina L. V., Sinodiki i Vkladnaia kniga Ipat'evskogo monastyria, *Svetoch'*, 6, 2010, 251–260.
- Derzhavina O. A., Adrianova-Peretz V. P., eds., *Vremennik Ivana Timofeeva*, Moscow, Leningrad, 1951.
- Fonkich B. L., Grecheskie rukopisi i dokumenty v Rossii v XIV–nachale XVIII v., Moscow, 2003.
- Fonkich B. L., Grechesko-russkie kul'turnye sviazi v XV–XVII vv., Moscow, 1977.
- Gnutova S. V., *Relikviia roda Godunovykh: Skladen'-kuzov s izbrannymi prazdnikami i sviatymi. Katalog vystavki*, Moscow, 2018.
- Gordienko E. A., Bol'shoi ikonostas Sofiiskogo sobora (po pis'mennym istochnikam), B. D. Grekov, ed., *Novgorodskii istoricheskii sbornik*, 2 (12), Leningrad, 1984, 211–229.
- Kirichenko L. A., Nikolaeva S. V., eds., *Kormovaia kniga Troitse-Sergieva monastyria 1674 g.: issledovanie i publikatsiia*, Moscow, 2008.
- Kozlyakov V. N., *Vasilii Shuiskii*, Moscow, 2007.
- Kozlyakov V. N., *Boris Godunov: Tragediia o dobrom tsare*, 2nd ed., Moscow, 2017.
- Krushelnitskaya E. V., Avtobiograficheskaia povest' Martiriia Zelenetskogo, *Biblioteka literatury Drevnei Rusi*, 13: XVI vek, St. Petersburg, 2005, 678–692.
- Litvitskaia N. V., Vkladnaia kniga Pereslavl'-Zalesskogo Fedorovskogo monastyria, *Istoriia i kul'tura Rostovskoi zemli*, 1993, Rostov, 1994, 122–129.
- Liberzon I. Z., ed., *Akty sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Severa Rossii XV–XVI vv.*, 1–2, Leningrad, 1988.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., «Se iaz rab Bozhii...» *Mnogoimennost' kak faktor i fakt drevnerusskoi kul'tury*, St. Petersburg, 2020.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., Iz istorii vkladov kniazheskikh semei Tatevykh i Nogtevykh («Bogomater' Vladimirskaia» i «Spas Vsederzhitel'»), *Sbornik statei i publikatsii, posviashchennyi Andreiu Alekseevichu Bulychevu. Na 60-letie so dnia rozhdeniia i 35-letie nachala nauchnoi deiatel'nosti*, Moscow, 2020, 144–152.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., Khristianskaia dviimennost' v praviashechi dinastii na Rusi: Etopiia evoliutsii, *Die Welt der Slaven*, 64 (1), 2019, 108–127.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., Monasheskoe imia i fenomen svetskoi khristianskoi dviimennosti v dopetrovskoi Rusi, A. A. Gorsky (ed.), *Srednevekovaiia Rus'*, 13, Moscow, 2018, 241–280.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., Names and Dates in the Family of Tsar Fedor Ivanovich, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 1 (75), 2019, 61–66.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., Veneration of Baptismal Saints in Russia in the 16th–17th Centuries, *Problems of Onomastics*, 16/3, 2019, 9–29.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., *Vybor imeni u russkikh kniazei v X–XVI vv.: dinasticheskaia istoriia skvoz' prizmu antroponimiki*, Moscow, 2006.
- Loseva O. V., *Russkie mesiatseislovy XI–XIV vekov*, Moscow, 2001.
- Lukichev M. P., Rogozhin N. M., eds., *Posol'skaia kniga po sviaziam Rossii s Gretsiei (pravoslavnyimi ierarkhami i monastiriami)*, Moscow, 1988.
- Maiasova N. A., Literaturnyi obraz Ksenii Godunovoi i pripisyaemye ei proizvedeniia shit'ia (K voprosu o vzaimootnoshenii literatury, iskusstva i deistvitel'nosti), *Vzaimodeistvie literatury i izobrazitel'nogo iskusstva v Drevnei Rusi* (= Trudy otdela drevnerusskoi literatury, 22), Moscow, Leningrad, 1966, 294–310.
- Maiasova N. A., «Svetlitsy» v dome boiarina Dmitriia Ivanovicha Godunova, *Proizvedeniia russkogo i zarubezhnogo iskusstva XVI – nachala XVIII veka: Materialy i issledovaniia*, Moscow, 1984, 32–56.
- Makar'ij (Veretennikov), archim., The First Patriarch Job and His Time, *Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 1(21), 2019, 11–170, DOI: 10.24411/2224-5391-2018-10101.

- Makhanko M. V., Panagia for Patriarch Jere-mia II of Constantinople Made in Moscow: One Not Survived Insignia of the Beginning Age of Moscow Patriarchate, *The Journal of Education and Science "ISTORIYA" ("History")*, 10/3 (77) (= *Byzantium – Christian East – Russia: Problems of History and Culture*), 2019 (<https://history.jes.su/issue.2019.1.3.3-77/>).
- Margvelashvili V., Vtoroe otchestvo M. Yu. Lermontova, *Smena*, 11 (961), 1967, 23.
- Martynova M. V., Oklad ikony «Bogomater' Smolenskaia» i chernevaia graviura XVI v., *Blagoveshchenskii sobor Moskovskogo Kremliā: Materialy i issledovaniia*, Moscow, 1999, 318–335.
- Mashtafarov A. V., Sinodik Konevskogo Bogoroditskogo Rozhdstvennskogo monastyria XVI v., *Vestnik tserkovnoi istorii*, 3/4 (35/36), 2014, 5–30.
- Nikolaeva T. V., *Sobranie Drevnerusskogo iskusstva v Zagorskom muzee*, Leningrad, 1968.
- Panova T. D., Sostav sem'i tsaria Borisa Godunova. Po pis'mennym istochnikam i arkhеologicheskim dannym, *Drevnie sviatyni i istoricheskie pamiatniki: Sbornik statei v 2 knigakh*, 1, Moscow, 2019, 47–54.
- Pavlov-Sil'vanskii V. B., Koretskii V. I., eds., *Istochniki po sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Rossii XVI–XVIII vv. Iz arkhiva Moskovskogo Novodevich' ego monastyria*, Moscow, 1985.
- Petrova E., ed., *Saints of the Russian Land*, St. Petersburg, 2010.
- Ponyrko N. V., Bogolep (v miru Boris Vasil'evich L'vov), *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 3/1, St. Petersburg, 1992, 140–141.
- Rogozhin N. M., Kadik V. A., eds., *Boiarskaia kniga 1658 goda*, Moscow, 2004.
- Romanova A. A., Andronik (Trubachev), igum., Bogolep Chernoiarskii (Ushakov Boris Iakovlevich), *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 5, Moscow, 2002, 455–456.
- Sapozhnikova S. D., Sidash T. G., Kozhurin K. Ia., eds., *Protopop Ivan Neronov: sobranie dokumentov epokhi*, St. Petersburg, 2012.
- Shablova T. I., *Kormovoe pominovanie v Uspenskom Kirillo-Beozerskom monastyre v XVI–XVII vekakh: Sinodichnoe predislovie. Kniga kormovaia. Sinodik kormovoi. publ.*, St. Petersburg, 2012.
- Spirina L. M., Neizvestnyye proizvedeniia iskusstva i istoricheskie dokumenty, svyazannye s pogrebal'nym kompleksom Godunovykh, *Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia: Pis'mennost', iskusstvo, arkheologiia. Ezhegodnik*, 1980, Leningrad, 1981, 455–464.
- Spirina L. M., *Tsarskaia usypal'nitsa Godunovykh na territorii Troitse-Sergievoi lavry*, Sergiev Posad, 2008.
- Trubacheva M. S., Patronal'naia ikona sem'i Borisa Godunova, *Restavratsiia i issledovanie tempornoj zhivopisi i derevianno skulptury*, Moscow, 1990, 13–21.
- Ulyanovskiy V., *Smutnoe vremia*, Moscow, 2006.
- Usachev A. S., Stepennaia kniga i pamiatniki russkoi srednevekovoi leksikografii, *Lestvitsa: Materialy nauchnoi konferentsii po problemam istochnikovedeniia i istoriografii pamiatni prof. V. P. Makarikhina, Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet im. N. I. Lobachevskogo, 22 maia 2003*, Nizhny Novgorod, 2005, 248–258.
- Uspenskij B. A., *Iz istorii russkikh kanonicheskikh imen (Istoriia udarenii v kanonicheskikh imenakh sobstvennykh v ikh otnoshenii k russkim literaturnym i razgovornym formam)*, Moscow, 1969.
- Vasilieva O. A., *Pskov Icons. Catalogue, 2: the Second Half of the 16th –18th Century*, 3rd ed., Moscow, 2012.
- Vorontsova L. M., Gemmy oklada ikony «Troitsa» pis'ma Andreia Rubleva, T. N. Manushina, ed., *Sergievo-Posadskii muzei-zapovednik: Soobshcheniia 2005*, Moscow, 2006, 175–199.
- Zyuzeva S. G., Oklad ikony «Bogomater' Znamenie». Istoriia sozdaniia i problemy atributsii, *Moskovskii Krem' v XVII v. Drevnie sviatyni i istoricheskie pamiatniki: Sbornik statei v 2 knigakh*, 2, Moscow, 2019, 111–120.
- Zyuzeva S. G., Zolotoi oklad ikony «Troitsa» kontsa XVI veka: Ikonograficheskie i stilisticheskie osobennosti litseykh izobrazhenii, *Moskovskii Krem' v gosudarstvennoi zhizni Rossii: Chetyre stoli-tiia istorii.* (= Muzei moskovskogo Kremliā: Materialy i issledovaniia, 27), Moscow, 2016, 64–80.

Анна Феликсовна Литвина, кандидат филологических наук
ведущий научный сотрудник Лаборатории лингвосомиотических
исследований
Национального исследовательского университета «Высшая школа
экономики»,
Школа филологии, Факультет гуманитарных наук
105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4
Россия / Russia
annalitvina@gmail.com

Федор Борисович Успенский, доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН
ведущий научный сотрудник Лаборатории медиевистических исследований
Национального исследовательского университета «Высшая школа
экономики»,
Школа исторических наук, Факультет гуманитарных наук
заместитель директора Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
Россия / Russia
fjodor.uspenski@gmail.com

Received March 4, 2020